

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИЗДАНИЕ.



ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

НОЯБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Медицинской Типографіи.

1820.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ пѣмь, чшобы до выпуска изъ шипографіи
предспавлены были въ Цензурный Комитетъ
сель экземпляровъ сей книги; для препровожд-
денія куда слѣдуешъ, на основаніи узаконеній.
С. Пешербургъ, Ноября 25 дня 1820 года.

*Цензоръ, Статск. Совѣт. и Кавалеръ Ив.
Тилковскій.*

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Спран.

I. ИСТОРИЯ и ПОЛИТИКА.

Описаніе великолѣпнаго праздника, даннаго Пполомеемъ Филадельфомъ, Государемъ Египешскимъ 87.

II. ПРАВЫ.

Счастіе или исторія свѣшскаго челоуѣка 103.

III. ЛИТТЕРАТУРА.

A) ИЗЯЩНАЯ ПРОЗА.

Отпрывокъ изъ сочиненій Мармоншеля 123.

Б) СТИХОТВОРЕНІЯ.

Романсъ (Подражаніе: *Quand tu m'aimois je cherissois la vie*) 139.

Къ другу 141.

Идрись или Гальская вдова, Баллада. (взяшая съ Гальскаго нарѣчія и приложенная *размѣромъ подлинника*) 143.

Завѣшь боговъ 147.

Эпиграммы 148.

III. КРИТИКА.

Письмо къ сочинителю замѣчаній на Трагедію *Танкредъ*, переведенную съ Французскаго Н. И. Тнѣдичемъ 149.

V. СМѢСЬ.

О Пиндарѣ 159.

Письмо изъ Берна къ пріятели 168.

НЕВСКІЙ ЗРИТЕЛЬ.

ИСТОРИЯ и ПОЛИТИКА.

О П И С А Н І Е

ВЕЛИКОЛѢПНАГО ПРАЗДНИКА, ДАННАГО ПТОЛОМЕЕМЪ ФИЛАДЕЛЬФОМЪ,
ГОСУДАРЕМЪ ЕГИПЕТСКИМЪ.

Нигдѣ сполько не видѣнь духъ древнихъ народовъ, какъ въ обрядахъ ихъ Религіи. Они заключають въ себѣ таинства и символы прежняго Богослуженія. Воптъ почему мы почли не излишнимъ помѣспити описаніе великолѣпнаго праздника, даннаго Птоломеемъ Филадельфомъ, по смерти отца его, при возшествіи на престоль. Аѳиней оставилъ намъ пространное онаго описаніе, взятое изъ Калисѳена, которой сочинилъ исторію Алек-

сандриі. Донъ Бернардь Монфоконъ повѣстивуешъ о немъ въ своихъ древносняхъ. Здѣсь будешъ предложено описаніе онаго и для того, чтобы дать понятіе, до какой степени простиралось богатство и изобиліе Египта.

Сіе торжество продолжалось цѣлый день, и сопровождаемо было всѣмъ городомъ Александрією. Оно раздѣлялось на многія части, и представляло собою разныя отдѣльныя помпы. Аѳиней повѣстивуешъ только о помпѣ Вакха, по которой можно судить, до какой степени простиралось великолѣпіе, все вмѣстѣ взятое.

Сперва шли Силены, одни одѣтые въ красное пурпуровое, а другіе въ платье пепельнаго цвѣта: какъ шѣ, такъ и другіе предшествовали для разогнанія толпы народной. За Силенами шли Сапиры, по двадцати на каждой сторонѣ и всякой несеъ по одной золотой лампѣ. За Сапирами шли Викторіи, у которыхъ крылья были золотыя. Сіи Викторіи несли благовонныя масти, въ позлащенныхъ вазахъ вышиною въ девять фузовъ, которыя частію были

украшены лилейными листьями. На плащѣ ихъ вышиты были живописныя; вездѣ блистало золото. За Викторіями несеиъ былъ двойной жертвенникъ въ девять фушовъ, покрытый большими лилейными листьями съ золотыми украшеніями. На немъ была золотая корона съ бѣлыми баншами, которые окружали одну со всѣхъ сторонъ. Потомъ шли сто двадцать мальчиковъ, одѣтыхъ въ пурпуровыя туники; каждый изъ нихъ несеиъ въ золотомъ сосудѣ фиміамъ, мирръ и шафранъ.

За мальчиками слѣдовало сорокъ Сапировъ, изъ коихъ у каждаго на головѣ была золотая корона, изъ лилейныхъ листьевъ, а въ рукѣ другая, также золотая и украшенная виноградными листьями. Плаще ихъ было испещрено различными цвѣтами.

Потомъ за Сапирами шли двѣ Силены, одѣтыя въ пурпуровыя панчи съ бѣлыми повязками. Одна изъ нихъ несла родъ шляпы и золотую просѣ, у другой была труба. По среди обѣихъ шелъ мужчина, который ростомъ былъ въ шесть фушовъ. На

немъ была маска и плашье, какое носятъ въ театръ пѣ, которые представляютъ прагедін; онъ несъ золотой рогъ изобилія и назывался годомъ.—

За нимъ послѣдовала такого же роспу прекрасная женщина, превосходно одѣтая и вся блиставшая золотомъ. Она несла въ одной рукѣ прозрачную изъ древесныхъ листьевъ сдѣланную корону, а въ другой держала пальму. Ее называли *Понтетерисъ*, п. е. пяшилѣше.

За нею шли чепырехъ время года Геніи, которые несли ашприбуны ихъ различающіе, и двое изъ нихъ большіе золотые съ духами сосуды, украшенные листьями лилейными, по срединѣ которыхъ былъ золотой четверугольный жертвенникъ.

Потомъ шествовали Сапиры, которые несли золотые короны на подобіе лилейныхъ листьевъ и были одѣты въ красное плашье. Одни держали сосуды, наполненные виномъ, другіе чаши съ напиткими.

За ними шель Филискъ Спихопворецъ и жрецъ Вакха съ комедіантами, музыкантами, плясунами.

Попомъ . несены были преножники , пригошовленные въ награду шѣмъ , кои находились на сраженіи и въ экзерциціяхъ Аплеповъ . Одинъ изъ сихъ преножниковъ вышиною въ тринадцать фушовъ съ половиною , былъ для юношей , другой въ осьмнадцать фушовъ для мужей .

За сими слѣдовала необыкновенной величины колесница . Она была на четырехъ колесахъ , и въ двадцать одинъ футъ длины и двѣнадцать ширины . Ее влекли сто восемьдесятъ человекъ . На колесницѣ былъ Вакхъ вышиною въ пятнадцать фушовъ , копорой приносилъ жертву въ большой золотой чашѣ . На немъ была пурпуровая пуника шипая золотомъ , проспирившаяся до пятъ ; подъ оной другая прозрачная шафраннаго цвѣта , а сверху большая пурпуровая ѳпанча , шипая золотомъ . Предъ нимъ споялъ большой Лаконической золотой ушапъ , вмѣщавшій въ себѣ пятнадцать мѣръ или ведръ ; золотой преножникъ , на копоромъ была съ духами ваза , также золотая и двѣ золотыя фіалы , наполненныя корицею и шафраномъ . Вакхъ былъ подъ шѣнію лилій , померанцовъ и дру-

гихъ плодовиштыхъ лисшвенныхъ деревьевъ, гдѣ висѣли короны, повязки, ширсы, шимпаны, саширическія, комическія и прагическія маски. Въ сей самой колесницѣ были жрецы, жрицы, служители и толковашели шаинспвъ, шруппы плясуновъ всякаго рода и женщины, копорыя несли ночвы.

Послѣ сего шли Вакханшы съ расшрепанными волосами и несли короны, сосшавленные однѣ изъ змѣй, другіе изъ ивовыхъ вѣшвей, винограда или лилей. Сіи женщины однѣ несли въ рукахъ ножи, другія змѣй.

Потомъ ѣхала другая колесница въ двѣнадцать фушовъ ширины, влеченная шестидесятью человѣками, въ кошорой сидѣла спашуя Низы (*). Она была въ двѣнадцать фушовъ вышины, имѣла на себѣ цвѣштомъ желшую, шипую золошомъ шунику, а на оной другое Лаконическое плашье. Спашуя сія была подняша на машинахъ для того, чшобы никто къ ней не могъ прикасашься, и шакъ какъ она лила изъ золошаго фіала молоко, то имѣ и насыщалась. Она держала въ лѣвой рукѣ ширсъ, увѣнчанный рюбаномъ. На ней была золошая корона, на

*) Вѣроятно, что сія была кормилица Вакха.

которой изображались лилейные листья и кисти изъ различныхъ драгоценныхъ камней. Она была покрыта густою тканью, составленною изъ разныхъ листьевъ. На чепырьехъ углахъ колесницы были чепыре золотыя лампы.

За сею слѣдовала еще колесница длиною въ двадцать шесть локтей, а шириною въ двадцать чепыре, влекомая шремя спами челоуѣкъ, на оной стоялъ наполненный виноградомъ чанъ, также длиною въ двадцать шесть локтей, а шириною въ двадцать два съ половиною. Шестидесятъ Сапировъ полнились около его, играя на флейтѣ соответственныя торжеству пому арии. Силена была вождемъ сей шруппы. Сладкое вино текло по дорогѣ.

Другую колесницу такой же величины шацили шесть сотъ челоуѣкъ. На ней шло бревно ужасной величины, обшито лопардовою кожей. Это бревно заключало въ себѣ при штысячи мѣръ. По дорогѣ всюду текло вино.

За сею колесницею послѣдовали Сапиры и увѣнчанныя сто двадцать Силень. Одни

несли кувшины другіе фляжки, иные чаши. Всѣ сіи сосуды были золотые.

За всюю сею шруппою непосредственно слѣдовала золотой ушашь, заключающій въ себѣ шесть сотъ ведръ, котораго колесницу влекли шесть сотъ человѣкъ. Онъ былъ обрѣзанъ и по краямъ онаго находились фигуры живописныхъ, такъ же на ручкахъ и въ низу. По срединѣ онъ опоясанъ былъ золотою короною, украшенною драгоценными камнями.—

За симъ ѣхали два серебряные ушаша, въ осмнадцать локтей ширины и въ девять вышины. Они были украшены изображеніемъ живописныхъ въ верху, во кругъ и въ низу, изъ коихъ три были въ полшора фуса, а большее число малой величины. —

За сими двумя большими ушашами слѣдовали: шестнадцать другихъ ушашовъ, изъ коихъ самыя большіе содержали въ себѣ шринадцать ведръ, а самыя малыя пять; двадцать чешыре вазы о двухъ рукояшкахъ, на пяти поддонахъ; два серебряныхъ шиска виноградныхъ, на копорыхъ было двадцать чешыре спакана; изъ цѣльнаго серебра споль опть осмнадцать до шридцапи шеспи фусовъ; чешыре шренож-

ника, изъ коихъ одинъ былъ цѣльнаго серебра толщиною въ двадцать чешыре фуша, другіе три самыя малые были украшены по срединѣ драгоцѣнными каменьями.

Потомъ несли восемьдесятъ серебряныхъ Дельфійскихъ треножниковъ, меньше предъидущихъ; двадцать шесть кружекъ, шестнадцать фляжекъ, сто шестидесятъ другихъ сосудовъ, изъ коихъ самый большой содержалъ въ себѣ шесть ведръ, а самый малый два. Всѣ сіи сосуды были серебряныя.

За ними несли сосуды золотыя: четыре назывались Лаконическими, два были по Коринѣски украшены изображеніями живописныхъ; сіи сосуды содержали въ себѣ восемь ведръ, писки, въ которыхъ было десять спакановъ и два сосуда, изъ которыхъ каждой содержалъ въ себѣ пять ведръ, и еще два другихъ въ двѣ мѣры: двадцать два другихъ сосуда съ различными прохладительными напиткими, изъ коихъ самой большой содержалъ въ себѣ тридцать ведръ, а самый малый одно ведро; четыре большихъ золотыхъ треножника; родъ погребца или золотой коробки, для помѣщенія другихъ золотыхъ сосудовъ, осыпанныхъ драгоцѣн-

ными камнями: онъ былъ въ пятнадцати фушовъ длины и имѣлъ до шести ступеней, украшенныхъ многими изображеніями живописныхъ, коихъ вышина была болѣе трехъ локшей; два стакана, двѣ хрустальныя чашки съ золотыми украшеніями; два золотыхъ поддона четырехъ локшей, и три другіе меньшей величины; десять кружекъ; жертвенникъ четырехъ съ половиною фушовъ; двадцать пять блюдъ.

Послѣ сего шли тысяча шесть сотъ мальчиковъ, копорые были одѣшны въ бѣлыя шуники и увѣнчанны одни лилейными, а другіе сосновыми вѣшвями. Между ними двѣспи пятьдесятъ несли золотые, а четыреста серебряные сосуды: пристра двадцать другіе несли золотыя печашы, опредѣленные для напишковъ.

Пошомъ другіе несли большіе горшки съ пишьемъ, изъ коихъ двадцать были золотые, пятьдесятъ серебряные и пристра испещренные различными цвѣтами.

Сверхъ сего несены въ шесть фушовъ сполы. На одномъ изображена была кровашъ Семелы, на копорой лежали шипыя золо-

номъ пуники, украшенныя драгоцѣнными камнями.

Не надобно пропустишь колесницы длиною въ шридцать три фуша, а шириною въ двадцать одинъ, везомой пяшью спами челоуѣкъ; на оной была весьма глубокая пещера, покрывая лилеями, изъ копорой вылешали голуби, горлицы съ перевязанными на ногахъ леншами, для того, чшобы окружающее могли ихъ брашь. Также изъ сей пещеры били два фоншана, изъ копорыхъ одинъ былъ молочной, а другой винной. Всѣ нимфы, окружающія пещеру несли золошья короны. Меркурій шамъ присушспивоваль, имѣя на головѣ золошую шапку и одѣшый въ богатое плашье.

На другой колесницѣ предспавлено было ошправленіе Вакха въ Индію. Онъ изображень былъ вышиною въ осемнадцать фушовъ, сидѣль на слонѣ, одѣшъ въ пурпуровое плашье, и несъ золошую корону изъ лилій и папира. Онъ держаль въ рукахъ своихъ длинную золошую шросшь. и былъ въ золошыхъ башмакахъ. На шеѣ слона сидѣль Саширь вышиною болѣе семи фушовъ, копорой несъ золошую изъ сосновыхъ вѣшвей

корону, и игралъ въ козлиный рогъ. Слонъ также имѣлъ всю зброю золотую и вокругъ шеи корону въ видѣ лилейныхъ листьевъ.

Попомъ шли пять сотъ молодыхъ дѣвицъ, украшенныхъ пурпуровыми шунниками и золотыми поясами. Между ими шли еще двадцать, которыя повелѣвали другими и несли золотыя изъ сосновыхъ вѣтвей короны.

За ними шли еще двадцать Сапировъ во всемъ ополченіи: оружія ихъ одни были серебряныя, а другія мѣдныя. За ними слѣдовали двадцать чешыре колесницы, влеченныя слонами, шестьдесятъ козлами, двѣнадцать львами, шесть козами, пятнадцать буйволами, чешыре дикими ослами, восемь спрофокамилами, семь дикими козами. Всѣми сими колесницами управляли юноши, имѣвшіе шляпы съ большими полями. Другіе, меньшіе провожали ихъ будучи вооруженны небольшими щипами и длинными шроспями и одѣты въ епанчи, шипыя золотомъ. Сии юноши увѣнчаны были сосновыми вѣтвями, а младшіе изъ нихъ лилейными.

Еще слѣдовали при колесницы, запряженные верблюдами; за ними колесницы, везомыя лошадками, на копорыхъ видны были палатки, сдѣланныя на подобіе палатокъ варварскихъ народовъ, Нѣкоторыя изъ сихъ верблюдовъ опредѣлены были къ несенію шрехъ сотъ фунтовъ куреній, другіе несли на себѣ двѣсти фунтовъ шафрану, корицы, гвоздики и другіе ароматы.

Близъ нихъ шли Арабы вооруженные пиками, которые несли одни шесть сотъ слоновыхъ зубовъ, другіе двѣ тысячи чернаго дерева вѣшвей, иные шестьдесятъ золотыхъ и серебряныхъ чашъ.

За ними шли два охотника, которые несли золотыя знамена, и сопровождаемы были двумя тысячами чепыреспя собаками, частью Индѣйскими или Гирканскими, частью Молосскими и другими родами.

Потомъ сто пятьдесятъ человекъ несли деревья, на копорыхъ были повѣшены разнаго рода дикіе звѣри и птицы. Также несли въ клеткахъ попугаевъ, павлиновъ, фазановъ и другихъ въ великомъ числѣ Эѳіопскихъ птицъ; потомъ шли сто

тридцать Эѳіопскихъ барановъ, шреста Арабскихъ, двадцать съ Эвбейскаго острова, двадцать шесть бѣлыхъ Индѣйскихъ быковъ, восемь быковъ Эѳіопскихъ, одинъ большой бѣлый медвѣдь, четырнадцать леопардовъ, шестнадцать пигровъ, чешыре рыси, при небольшіе медвѣдя, одинъ верблюдъ и Эѳіопскій единорогъ.

Послѣ сего былъ везенъ въ колесницѣ Вакхъ съ золопою украшенною лилейными лисьями короною. Онъ скрывался подъ жернивникъ Реи, когда гнала его Юнона. Его окружали: спашуя Юоны, кошорая несла золопую діадиму, спашуи Александра и Пполомея, изъ лилейныхъ лисьевъ съ золопыми коронами, спашуя мужества, находившаяся близъ Пполомея съ золопою изъ масличныхъ вѣшвей короною, и изображеніе города Коринѳа, кошорой также находился подлѣ Пполомея, съ золопою діадемою. Неподалеку каждого изъ сихъ находилась большая ваза, наполненная золопыми чашами, а большая золопая чаша содержала въ себѣ пять ведръ.

За сею колесницею слѣдовали многія богато одѣшья женщины, кошорыя называ-

лись Іонійскими городами и другими Азійскими Греческими и островами, нѣкогда покоренными Персами: онѣ всѣ несли золотыя короны.

На другой колесницѣ была золотая просць во сто шридаць пять фушовъ и серебряное копье въ девяносто фушовъ.

Весьма много было дикихъ звѣрей и лошадей; двадцать чешыре льва мѣрной величины; многія другія колесницы, на копорыхъ ѣхали не только спашуи Царей, но и многихъ боговъ. За симъ слѣдоваль хоръ, состоящій изъ шести сощъ чловѣкъ, между копорыми было приспа гишарныхъ игроковъ, имѣвшихъ по золотой коронѣ, и всѣ гишары ихъ были золотыя. Неподалеку сихъ шло двѣ тысячи быковъ: всѣ одной шерспи, у коихъ были вызолочены рога, а по срединѣ находилось по золотой коронѣ. Шея ихъ была украшена ожерельями, а грудь щипомъ: и все это было золотое.

Попомъ шла помпа Юпитера и другихъ многихъ боговъ, а за симъ поржество Александра, косто вся спашуя была золотая

и влекома на колесницѣ слонами. На одной сторонѣ ея была Побѣда, а на другой Минерва.

Въ сей помпѣ многіе проны здѣланы были изъ золота и слононой кости. На одномъ изъ нихъ находилась золотая діадима, а на другомъ золотой рогъ.

А. Владслвлвѣ.

(Окончаніе впрѣдъ).

И. Н Р А В Ы.

С Ч А С Т І Е,

И Л И

Исторія свѣтскаго человека.



Что есть счастье? — Различно опредѣляютъ его. Поэтъ прославляетъ его въ стихахъ; философъ разсуждаетъ объ немъ; ничтожные люди ищутъ его, ползая у ногъ людей знашнихъ; знашние часно завидуютъ счастью низшихъ себя; юность наслаждается иногда имъ, не зная того сама; спароситъ часно объ немъ говоритъ, не испытавъ его; мужчины спараются достигнуть его открытою силою; женщины хопятъ получить ласкашельствомъ. Всѣ говорятъ, всѣ ищутъ; но рѣдко находятъ его, и еще рѣже умѣютъ имъ наслаждаться. Человекъ жалуеш-

ся, что фортуна сокрылась отъ него, или видишь ее въ мечпательной будущности, между тѣмъ какъ она подлѣ него и что ему споить только, такъ сказать, схватить ее. — Увы! блаженство человека заключается въ его сердцѣ, и сіе желаніе—искать счастье далеко отъ себя—есть препятствіе къ достиженію онаго.

Давно уже (сказалъ Графъ Мюльгеймъ молодому своему сыну), давно намѣреваюсь я открыть тебѣ мое сердце; ты можешь забыть родительскіе совѣты, но сохрани въ памяти мои заблужденія: легче избѣжать ошибокъ, нежели слѣдовать наставленіямъ. Образцы добродѣтели производятъ впечатлѣніе слабѣе, нежели примѣры порока.

Молодой человекъ склонилъ внимательный слухъ къ повѣствованію спарца.

Мой отецъ, сказалъ Графъ Мюльгеймъ, человекъ суровый, воспитывалъ меня въ строгихъ правилахъ, и его холодный разумъ не могъ заставить меня любить разумъ. Когда я вышелъ изъ училища, онъ ввелъ меня въ большой свѣтъ и безпрестанно мнѣ говорилъ: будь любезенъ; любезностию привлекаешь сердца. Родитель мой

былъ правъ; но чловѣкъ любезный не долженъ предспавлять лице безсмысленнаго раба; онъ долженъ знать свѣтъ, а свѣтъ его. Для того, чпобъ свѣтъ былъ ему чѣмъ нибудь обязанъ, пребуется со спороны свѣтскихъ людей испинная оцѣнка поѣ жерпвѣ, копорую чловѣкъ приносипъ для него собственнымъ своимъ склонноспямъ. Тебя не будупъ почипапъ, если не увѣряпся, чпо пы, прпдержпваясь одного мнѣнпя, оспавпль другое пропвпное.

Сп разспужденпя, плоды долговременнаго обращенпя въ свѣтъ, были еще чужды моему юному разуму. Въ домахъ, коропко мнѣ знакомыхъ, я спрого выполпнялъ ролю чловѣка любезнаго: разсппаль прпвѣспспвпя на всѣ спороны; перзаль свое воображенпе, желая сказапъ всякому, чпо нпбудъ прпятное. Выхвалялъ любимую собаку знатнаго господпна; восхищаль передъ барынею высокаго происхожденпя обспрными познанпями ея дѣпей невѣжливыхъ и дурно воспппаннхъ; возноспль до небесъ дарованпя въ музыкѣ дѣвпцы, копорая раздпрала мой слухъ грубыми и несогласными звуками своего форшпепьяно. — Не было слугп, копорый бы

шпакъ ловко подалъ спуль, какъ я; моя услужливая рука была всегда гошова помочь дамъ прекрасной или безобразной поднѣпсь на лѣспницу или сойпи съ нее; я игралъ въ виспъ по копейкѣ съ спарыми ханжами, по денежкѣ съ дѣпьми дома: и какіе плоды собралъ я опъ шпакѣй любезности? смершельную скуку. Какую мысль подавалъ я о себѣ? Меня почипали за пвореніе, хорошо выученное, опъ кошораго можно всего пребовашъ, не плапя за сіе признапельностью.

Я начиналъ скучашъ шпакимъ родомъ жизни, какъ однажды въ блестящемъ общеспвѣ примѣшилъ, что нѣкошораая дама бросала на меня значительные взоры. Лице мое вспыхнуло; она подошла ко мнѣ. Я смупилъ и въ шпже время обрадовался эшому опличію. Прекрасная дама прожила уже сорокъ лѣпъ, а мнѣ шолько насшала двадцашая весна. Разговоръ нашъ одушевилъ—по крайней мѣрѣ съ ея спороны; ибо она говорила много, а я опвѣчалъ очень корошкѣ; но наконецъ ободренный ея взорами пришелъ въ воспоргъ опъ основательности ея суждений: эшопъ комплиментъ ей по-

правился, пошому чшо она не имѣла ни какой основательности. Въ немногихъ словахъ я наказыль ей множество общихъ мѣспъ, копорья она, по своей благосклонности, нашла оспроумными; эшо меня очаровало: никшо еще не говорилъ мнѣ, чшо я имѣю умъ. Взаимное щеславіе привязало насъ другъ къ другу. Эшимъ чувствомъ замѣняется обыкновенно любовь; но шакая связь разрывается, какъ скоро переспануть льспить. —

На шрепшій день я вызвался проводить ея домой; она приняла эшо предложеніе. Трелпъ объяль меня еще въ передней. Первое свиданіе наединѣ съ женщиною! вопъ рѣшительная минуша для моей славы. Я заговориль; обспояшельспва много способспвовали моему краснорѣчію; я выбираль щщательно выраженія и былъ крайне почтительень, пошому чшо не проникъ намѣреній дамы; она же обходилась весьма вольно и употребляла всѣ способы для моего ободренія, ибо чшала въ моей душѣ.

Подошедши къ двери, я хопѣль опкляняпьяся.

— Пожалуйте въ мой будуаръ, сказала она. —
„Если могу осмѣлишься, опвѣчалъ я, . . .

— О! вы можете! я не боюсь бытъ одна
съ молодымъ человѣкомъ! —

— „Вы спольже снисходительны, какъ и
прекрасны.,,

— Я обхожусь съ вами просто, продолжала
она, бросившись на софу, пошому чшо
почишаю васъ своимъ другомъ. —

— „Вы дѣлаете мнѣ много чести, судары-
ня, если мое присуствіе вамъ не шягос-
тно.,,

— Сколько вамъ лѣтъ? —

„Двадцать ,,

— Ахъ, Богъ мой! какъ жарко! — Она сняла
шаль.

„Не отворишь ли дверь, сударыня?,,

— Нѣтъ, не спудишься; я не люблю сквоз-
наго вѣтра. . . . Двадцать лѣтъ! Право, по
своему возрасту вы приобрѣли очень мно-
го свѣдѣній. . . .

„Вы, сударыня, очень благосклонны; и ко-
нечно говорите это по *старинной* дружбѣ
съ моей мапушкой.,,

— Для чего же и не шакъ? я всегда люби-
ла вашу мапушку даже до глупости, не

смотря на разность нашихъ возрастовъ. Скажите, имѣете ли вы знакомыхъ? —

— „Я каждый день посѣщаю домъ, въ которомъ имѣлъ счастье и славу встрѣпипь васъ.,,

— Это очень хорошо. Они люди добрые. Правда, у нихъ много не веселятся; но по крайней мѣрѣ находятъ убѣжище отъ несносныхъ молодыхъ людей; разумью пѣхъ молодыхъ господчиковъ, которые избалованы нашими модными въспренницами. Для васъ же я дѣлаю предпочпипельное исключеніе, принимая здѣсь однихъ.

„О! сударыня, я не упошреблю во зло вашихъ милостей.,,

— Вижу. Дѣйствительпо, другой на вашемъ мѣспѣ давно бы переспушилъ границы почшенія.

„Я буду въ опчаяніи, сударыня, если шакое несчастіе со мною случится.,,

— Прекрасно! я не швяпоша, и не шребую, шпобъ люди находились отъ меня въ шакомъ почпипельномъ опдаленіи, боясь нарушпшь благоприспойность. Скажите, мой любезной другъ, любили ли вы когда нпбудъ?

— „Нѣтъ, сударыня; бапюшка хочеть меня женишь черезъ два года.“

— Вы хорошо сдѣлаете, повинуюсь волю своего родителя; между тѣмъ не великое несчастье влюбиться прежде брака въ милую женщину. Не полагайтесь только на молодыхъ кокепокъ и въпреницъ, которыя вмѣсто того, чтобы отдасть вамъ свое сердце, будущъ спарашься увѣришь васъ, что *сердце* есть пущое слово.

— „Буду беречься, сударыня.“

— Спановишься поздно; не угодно ли вамъ со мной опъужинашь?

„Невозможно, сударыня; бапюшка и мапюшка меня ожидають.“

— И такъ, подише къ нимъ. —

При сихъ словахъ глаза ея засверкали. Будучи неопытенъ, я не могъ прочиташь въ нихъ изображеній ярости и презрѣнiя; я удалился съ низкими поклонами и выхваляль самъ себя, за удачное освобожденiе отъ пакого разговора, до тѣхъ поръ, какъ услышаль черезъ нѣсколько времени, что эта женщина вездѣ разглашала: по чеспи... молодой Мюльгеймъ совершенный проспьякъ.

Между шѣмъ мало по малу я образовался обращеніемъ въ большемъ свѣтѣ; слушая глупости, старался неговорить ихъ самъ — и былъ вездѣ хорошо принятъ. Робость моя превратилась въ наглость; крайности касаются одна другой, и обѣ производя опять недоспашка въ размышленіи. —

Я повсюду слышалъ похвалы счастью и жалобы на несчастіе, и не могъ понять, опять чего первое вспрѣчается рѣже впораго. Я заключалъ, подобно большей части людей моихъ лѣтъ, свое благополучіе во множествѣ любовныхъ приключеній; короче — посвящалъ себя женщинамъ. Однакожь я гордился самъ собою и показывалъ презрѣніе къ нѣжному полу, думая, что это вѣрнѣйшій способъ понравиться. Многие почитали меня человѣкомъ съ достоинствомъ, пошому единственно, что я хвалилъ самъ себя чрезвычайно свободно. Чрезмѣрность моей дерзости внушила это мнѣніе. Я обладалъ способностію — однимъ словомъ помрачить доброе имя многихъ женщинъ, и считалъ себя весьма счастливымъ; ибо глупецъ, почитающій себя умнымъ, довольнѣе всѣхъ смертныхъ. Я былъ человѣкъ избран-

ный въ обществѣ. Обольщала лицемѣрокъ, выхваляя ихъ добродѣтели; кокепокъ—восхищаясь ихъ прелестями; богомолокъ—превосходя ихъ въ порицаніи свѣта; правда, иногда встрѣчала я и жестокихъ, но скоро утѣшался. — Побѣды мои были крапковременны. Лицемѣрки оставляли меня изъ каприза, кокепки изъ вѣтренности, богомолки пошому, что я довершалъ все дѣло соблазномъ. Такое химерическое счастье исчезало, какъ сонъ; оно уподоблялось живописи альфреско, на которую прилично смотрѣть только издали. —

Однакожь я приобрѣлъ славу, сколь ни униженную, но доставлявшую мнѣ большія выгоды; ибо мода не пребуешь ума въ любезныхъ молодыхъ людяхъ. Бапюшкѣ предложили для меня весьма выгодную парцію, ш. е. богашую наслѣдницу; я согласился на бракъ: невѣста была довольно любезна, воспитана въ деревнѣ и—я ей понравился.

При первомъ свиданіи насъ посадили вмѣстѣ играть въ карты; она очень мало говорила, однакожь я примѣтилъ въ ней много разсудка и, что еще лучше, доброе сердце. Родные наши сочинили контрактъ; все

было гошово—и мы едва ли видѣлись при ра- за, когда намъ дали брачное благословеніе въ присушствіи нѣсколькихъ родственни- ковъ, копорые также не болѣе были меж- ду собою знакомы.

Два года жилъ я съ женою въ совершен- номъ согласіи. Она говорила мало — и я не скучаль ей своими разговорами, почиая до- споинспвомъ мужа — изъясняшься словами односложными. Друзья увѣряли меня, что жена моя весьма умна; я принималь эшо за комплиментъ. Наконецъ мало по малу оп- крылось, что мы были ни мало не согла- сны во вкусахъ, характерахъ и склонно- сняхъ.

Незначущія неприятности огорчали насъ, и эшо можеть быть хуже самаго явнаго раздора. Наконецъ—мы были счастливы, по- терявъ перпѣніе; довольно искренны, приэ- навшись въ помъ; довольно разсудительны— разлучившись безъ шума. Твоя мапъ удали- лась въ свои деревни, а я бросился въ вихрь свѣша—и скоро сдѣлался нечувствителенъ ко всѣмъ удовольствіямъ; приключенія мнѣ спали пропивны; но—чесполобіе еще бодр-

спововало. Я почипалъ самолюбіе единспвеннымъ пушемъ въ храмъ счаспія.

Ты видишь, мой сынъ, чпо я не скрываю ни одной изъ моихъ слабоспей, чпобъ пы научился избѣгапь ихъ. Думаль ли я когда нибудь попасть на такой шерниспый пущь? славы доспигаюпъ или великими дѣлами или низоспью. Я былъ ослѣпленъ, возмечпавъ, чпо имѣя довольно способноспей, довольно ловкоспи владѣпъ умами женципъ, могу управляпъ и Государспвами? —

Я пущился въ лабиринпъ инспригъ и кле-вешы; низко кланялся людяпъ, копорыхъ презираль, и копорые не слишкомъ занима-лись мною. Я раздаваль покровипельспва впе-редъ, спараясь однакожъ доспавипъ ихъ са-мому себѣ. Наконецъ, мнѣ удалось спол-кнупъ челоуѣка чеспнаго съ почешпаго мѣспа, копорое удержаль я за собою поль-ко до шѣхъ поръ, пока не выказаль свою неспособность и неблагодарность. Такимъ образомъ я удалился отъ свѣпа — презирая любовь къ слауѣ, гнушаясь людями, но со-жалѣя о шомъ, чпо они споль охошно об-ходились безъ меня. Чесплюбепъ мало без-покоишся о презрѣниі, копорое ему оказы-

вають, пока счастье улыбається ему. При паденіи онъ перенесеть свою судьбу, если удержишь при себѣ почтеніе людей. —

Я готовъ былъ предаться опчаянію, какъ встрѣшилъ челоуѣка, не поздно еще оставившаго свои заблужденія и покорившагося законамъ разума. Онъ жилъ спокойно и счастливо въ деревнѣ. Сначала я видѣлся съ нимъ рѣдко, потомъ чаще, наконецъ посѣщаль его безпреспанно. Его честность привлекла мое сердце, его мудрость просвѣтила мой разумъ.

Другъ мой, сказалъ онъ мнѣ однажды, я подобно тебѣ долго былъ рабомъ предразсудковъ; гоняясь за счастьемъ, я былъ обманушь блестящими мечтами, и нашель его, когда уже не искалъ. Теперь живу на родинѣ опцовъ моихъ, часпо посѣщаю сосѣдей, часпо примѣчаю въ нихъ добродѣтели, которыми спараюсь подражать и не оскорбляюсь уже ихъ ошибками. Лучше забыть большой свѣпъ, нежели поносить его. Счастье живешь только въ сердцѣ философа.

Въ сердцѣ философа! вскричалъ я въ удивленіи; Философія всегда казалась мнѣ неразлучною подругою печали и скуки.

Почитай Философію, продолжалъ онъ, не подвергайся игу щеславія, не занимай разумъ безсмысленными химерами, не почитай мнѣнія другихъ всегда безразсудными, не показывай презрѣнія къ ихъ заблужденіямъ. Такъ, Философія ненавидитъ порокъ; но жалѣетъ о людяхъ порочныхъ. Она творитъ благодѣянія безъ щеславія и помогаетъ слабымъ дружелюбно, любитъ и почитаетъ узы общества; даже опличія въ степеняхъ приятны ея взорамъ; она почитаетъ добродѣтель и достоинство; она не питаетъ ненависти къ людямъ, но помогаетъ имъ, утѣшаетъ ихъ, показываетъ имъ прелести дружбы—однимъ словомъ, сближаетъ всѣ сердца сладостными узами любви и благодарности. —

Какъ! сказалъ я, ваше опредѣленіе Философіи справедливо?—Конечно, легче оказывать презрѣніе людямъ, нежели благопвооритъ.—Ты считаешь также благодѣянія дружбы между сладостными плодами Философіи, и такъ ты нашелъ достойнаго друга?

Да, отвѣчалъ онъ, я нашелъ приятельницу, коюрой нѣжныя чувствованія успѣшнѣе самаго разума вели меня къ благопо-

лучію. И она жила нѣкогда въ большомъ свѣтѣ; разсудокъ ея иногда заблуждался, но сердце оспалось чистымъ. Теперь, въ сельскомъ убѣжищѣ, она удобряетъ и разплождаетъ сѣмя всѣхъ добродѣтелей своего пола. Ея земли смежны съ моими: мы часпо видимся. Дружба и довѣренность соспавляютъ блаженство нашей жизни: дружба никогда не бываетъ споль нѣжна, искренна и совершенна между мужчинами, какъ между женщиной и женщиной, когда дѣла умчали оболъщенія любви.

Другъ, привыкшій уважать прекрасный полъ, еще болѣе имѣетъ вниманія къ своей пріятелиницѣ. Разность половъ извиняетъ различіе нѣкоторыхъ мнѣній. Другъ-женщина доспавляетъ сей связи нѣчто чувствительное, а это было бы смѣшно между мужчинами.

Сии слова мудраго спарца воспламенили меня. И такъ! вскричалъ я въ сильномъ движеніи, примите и меня въ вашу дружбу. Покажите мнѣ счастье. Спарецъ согласился. Гдѣ ваша подруга? спросилъ я. Онъ назвалъ ея жилище. Тѣмъ лучше, сказалъ я,

мнѣ должно посѣпшпъ въ помѣ же мѣспечкѣ Гжу Бергъ.

Гжу Бергъ! воскликнулъ онъ съ удивленіемъ; ты ее знаешь?

Нѣспъ, возразилъ я; жена моя, нѣсколькo уже лѣспъ со мной разлучившаяся, поручила мнѣ плапшпъ годовое свое жалованье эспой женщиной, копорая къ ней его доспавляетъ. Не спараясь узнать причины сего поступка, я опссылалъ каждый годъ опредѣленную сумму Гжѣ Бергъ. Теперъ случай привелъ меня близко къ ея жилищу, и благоприспойность возлагаешъ на меня долгъ посѣпшпъ ее. —

Ты правъ, опвѣчалъ мой другъ, и ты увидишь ее еще съ большимъ удовольспвіемъ, когда узнаешь, что объ ней самой я тебѣ говорилъ; ея - по дружба для меня споль драгоцѣнна. Завспра поѣдемъ.

Охошно, сказалъ я, однакожь сначала я скрою свое имя, чспобъ получишь опъ нее весьма важныя извѣспія о моей женѣ, о ея здоровьи, жилищѣ, о мнѣніи, копорое она имѣешъ обо мнѣ. Никогда я не имѣлъ къ ней опвращенія; мы разлучились сполько по спому, что она хотѣла удалиться опъ

свѣта, а я оспашься въ немъ. Съ того времени я мало ея занимался; но ея презрѣніе огорчипь меня: по крайней мѣрѣ я желалъ бы, чшобъ она почипала меня другомъ, съ копорымъ разлучила ее верховная сила.

Спарецъ одобрилъ мое намѣреніе. Онъ извѣспилъ госпожу Бергъ о нашемъ посѣщеніи письмомъ въ попь же вечеръ. Мы отправились на другой день поупру — и прибыли въ прекрасной сельской домикъ: его украшали болѣе вкусъ и удобность въ расположеніи, нежели великолѣпіе. Сквозь опущенныя занавѣсы проникалъ только слабый свѣспь. Я удивился; Гжа Бергъ не любитъ свѣспя, сказалъ хладнокровно мой другъ. Хозяйка долго не выходила къ намъ; не знаю чшопо меня беспокоило; я спрашилъ показаться прияпельницѣ моей супруги; чувспвовалъ, чшпо она не можетъ имѣспь обо мнѣ выгоднаго мнѣнія. Заслуженные упреки смущаютъ насъ и тогда, когда мы еще не слышимъ ихъ.

Наконецъ опшворилась дверь. Вошла женщина въ покрывалѣ; я былъ ей представлень какъ искашпель на гориспомъ оспровѣ добродѣтели—убѣжища опъ шума мірскаго.

Она вздохнула и сказала мнѣ слабымъ голосомъ: еслибъ супругъ моей приятельницы, Графини Мюльгеймъ, послѣдовалъ нѣкогда сему примѣру! еслибъ онъ соединился опять съ женщиною, копорую его легкомысліе не оставило свободною опъ упрековъ, но еще не содѣлало презрительною. Она его любила, любишь и нынѣ; эта мысль—ея успѣшенія и казнь.....

Слезы помѣшали ей продолжашъ далѣе; я началъ подозрѣвашъ истину, и сказалъ: радуюсь, что Графиня Мюльгеймъ имѣеть шакую ревностную приятельницу.

Можетъ быть, отвѣчала она съ живостию, можетъ быть Графъ увидишь во мнѣ друга еще нѣжнѣйшаго. Съ какимъ удовольствіемъ скажу ему, что единственно по чрезмѣрной *тонкости* супруга его скрывала свою любовь! Желая вынудить привязанность, раждающъ ненависть.

Можетъ быть она обманулась. Женщины иногда съ излишнимъ щеславіемъ отвращаются опъ насмѣхающаго своего благополучія. Онѣ легче позволяють себя обличить и спыдающъ бытъ униженными. Моя приятельница поздно узнала свое заблужденіе. Еслибъ

она была снисходительнѣе, по можеть бышь супругъ не распался бы съ нею. —

Нынѣ онъ презираеть свои заблужденія у пвоихъ ногъ, вскричалъ я, обнимая дрожащія ея колѣна: я узналъ ея голосъ. . . . Это была пвоя мать, она сбросила покрывало и упала въ мои объятія. Съ воспоргомъ прижималъ я ее къ своему сердцу. Раздоръ, сказалъ я, поглотилъ прекраснѣйшіе годы нашей жизни; но взаимная любовь родить новую весну во время нашей осени. Черпы наши соспарѣлись, но сердца еще молоды. Супруги, взаимно другъ друга почипающіе, счастливиѣе въ наши лѣта, нежели пѣ, копорыхъ соединяеть пылкость юности, страсти или своенравіе; мы будемъ наслаждаться блаженствомъ совершеннымъ.

Восемь лѣтъ прошекли, мой сынъ, послѣ этого приятнаго свиданія. Ты свидѣшель, что я выполнилъ свое слово. Мы живемъ въ счастливомъ спокойствіи; любимъ другъ друга въ шебѣ; общій приятель украшаетъ цѣль насъ соединяющую; счастье пришло къ намъ, хотя мы не употребили большого труда на его изысканія. Мы не гоняемся за нимъ, оно всегда съ нами; мы не видимъ

его, потому что оно обитаетъ въ насъ; наконецъ—мы не спрашимся поперяшь его, потому что увѣрены въ самихъ себѣ. —

Здѣсь Графъ кончилъ свое повѣствованіе.—
— Воспользовался ли урокомъ молодой человекъ?—сомнѣваюсь: въ печеніи нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ высоко цѣнили опытность другихъ, но—употребляли ли ее въ пользу?—

Съ Франц. Н. Ф.

III. ЛИТТЕРАТУРА.

А) ИЗЯЩНАЯ ПРОЗА.

ОТРЫВОКЪ (*)

ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ МАРМОНТЕЛЯ.

Годы, проведенные мною въ Версали, со-
ставляли ту эпоху времени, въ кошую
философскій духъ находился въ величайшей
дѣяшельности. Даламбершъ и Дидерошъ во-

(*) Изъ книги *Памятныя Записки* Мармонтеля,
части II, перев. Воронова. Первая часть
сихъ Памятныхъ Записокъ вышла изъ печа-
пи и раздается Гг. Пренумераншамъ у са-
мага Переводчика, живущаго въ большой Мѣ-
щанской въ домѣ Лемпюжника и въ книж-
ныхъ магазинахъ Плавильщикова и брашь-
евъ Слениныхъ. Цѣна за 4 части 20 руб.;
за пересылку въ другіе города прилагаются
сверхъ того пять рублей. Вторая часть оп-
печатывается на сихъ дняхъ.

друзья знаменіе къ начатию необъявнаго подвига—составленія Энциклопедіи, куда со всѣхъ споронъ собирались отличные умы и таланты. Вольперъ, возвращаясь изъ Берлина, откуда выгналъ несчастнаго Арно и гдѣ самъ не могъ долго держаться, принужденъ былъ удалиться въ Женеву; отсюда раздувая мятежный духъ свободы, нововведеній и вольности, успѣлъ напослѣдокъ слишкомъ много въ своихъ предначертаніяхъ. По неудовольствію на Короля онъ дѣлалъ непрощипельныя дерзости. Впрочемъ весьма неблагоразумно поступили запротивъ ему въѣздъ въ свое опечесство: чрезъ это заставили его безопасно утвердиться въ свободной странѣ. Повелѣніе Королевское: *пусть онъ остается тамъ, гдѣ теперь находится*, — не довольно было обдуманно. Его нападенія были не изъ числа такихъ, кои удерживаютъ и отражаютъ на границахъ. Версаль, гдѣ онъ не такъ бы смѣлъ поступать дерзко, какъ въ Швейцаріи и въ Женевѣ, служила бы ссылкой, которую непременно надлежало для него предназначить. Духовные же должны бы были приказать отворить для него ту великолѣпную пещ.

ницу, куда Кардиналь Ришельё заманивалъ все высшее Дворянство.

Вольперъ, ссылаясь на свое званіе Ординарнаго Камергера, самъ возлагалъ на себя оковы, помощію коихъ могли бы его держать въ должныхъ границахъ, ежели бы только захопѣли. Я долженъ здѣсь сказать, что сіе запрещеніе въѣзда Вольперу во Францію послѣдовало вопреки желанію Гжи Помпадуръ. Она, принимая живѣйшее участіе въ его судьбѣ, неоднократно меня спрашивала объ немъ; и, когда я ей однажды сказалъ: что мнѣ ничего не извѣстно, и что ей ближе можно объ немъ знать, „эхъ! со всемъ нѣтъ,“ отвѣчала мнѣ со вздохомъ.

Такимъ образомъ Вольперъ именно изъ Женевы одушевлялъ сопридниковъ Энциклопедіи, въ числѣ коихъ я самъ находился; и всякой разъ, какъ мнѣ случалось бывать въ Парижѣ, первое мое удовольствіе состояла ихъ бесѣда. Даламбертъ и Дидеротъ оставались довольны моими трудами; и наши сношенія болѣе и болѣе утверждались дружбою, которая продолжалась по самую ихъ кончину. Моя связь съ Даламбертомъ была и откровеннѣе и шѣснѣе; но не менѣе того

я не преспавалъ бытъ вѣрнымъ и неизмѣняемымъ въ отношеніи къ Дидероту, съ которымъ всегда встрѣчался съ удовольствіемъ и слушалъ его со вниманіемъ.

Наконецъ, признаюсь, я чувствовалъ, что въ переездѣ моемъ отъ Версаля до Парижа, перялись понапрасну многія счастливыя минуты, которыя бы проводилъ съ удовольствіемъ въ кругу ученыхъ людей. Тѣ изъ нихъ, коихъ я болѣе любилъ и болѣе почиталъ, дружески мнѣ внушили, что мы рождены жить вмѣстѣ, и указали мнѣ Французскую Академію, какъ такую цѣль, которая должна привлекать и оспанавливать мои взоры. И такъ я чувствовалъ, отъ времени до времени, въ себѣ новую охоту описать всупишь на ученое поприще. Но прежде всего мнѣ хотѣлось упрочить себѣ вѣрное и надежное сословіе, въ чемъ Графъ Помпадуръ и ея братья всегда готовы были мнѣ содѣйствовать. Вотъ тому примѣръ.

Въ 1755 году, послѣ покушенія сдѣланнаго противу Короля, и послѣдовавшаго за тѣмъ великаго движенія по Министерству, во время котораго Аржансонъ и Машольтъ были удалены въ одинъ день, Графъ Руилье по-

ручили главное смотрѣніе надъ почпами, гдѣ должность Секретаря, занимаемая преспа- рѣлымъ Монкрифомъ, приносила двѣ тыся- чи ефимковъ; тогда мнѣ пришло въ голову просить о помѣщеніи меня кандидатомъ на сіе мѣсто, въ той надеждѣ, что Г. Руилье, какъ новый человекъ въ наспоющемъ званіи, конечно не откажется удовлетворить пер- вой просьбѣ Г^{жи} Помпадуръ. И такъ я и- спрашивала у ней, посредствомъ Доктора Кене аудіенціи, которая и была мнѣ объ- щана на другой день повечеру. Я цѣлую ночь обдумывала, что долженъ былъ ей го- ворить; мое воображеніе воспламенилось; я потеряла собственннй предметъ изъ ви- ду, бывъ занята болѣе бѣдственными по- слѣдствіями, угрожавшими Государству, и рѣшилася, воспользовавшись аудіенціею, оп- крыть Г^{жѣ} Помпадуръ спасительныя мѣры. Поутру все, что ни было обдумано въ продолженіе ночи, изложилъ на бумагу, да- бы имѣть по на всякой случай въ гош- вности. И такъ повечеру, въ назначенный часъ явился я къ Кене, и приказала доло- жить о себѣ. Кене, занятый своими нагер- таніями и гистыми произведеніями, не

спросилъ даже меня, что я буду представлять Гжѣ Помпадуръ. Она позвала меня; вхожу въ кабинетъ и начинаю говорить: „Милоспивая государыня, Г. Руилье сдѣланъ главнымъ смопришелемъ надъ почпами; тамъ мѣсто Секретаря совершенно опъ него зависить. Монкрифъ, нынѣ занимающій оное, уже крайне спаръ. Не уже ли будетъ злоупотребленіе вашихъ милоспей, ежели я осмѣлюсь покорнѣйше васъ просить исходатайствовать мнѣ право бытъ его преемникомъ? Мѣсто сіе, весьма для меня приличное, удовлетворить въ полной мѣрѣ моему самолюбію.„ Она отвѣчала, что оно уже обѣщано Дарбуленю, (одному изъ ея знакомыхъ); впрочемъ прикажетъ Дарбуленю опказать, ежели успеетъ предоставить его мнѣ.

Поблагодаривъ за сіе, я продолжалъ: не удивляйтесь, милоспивая государыня, что вамъ далѣе осмѣлюсь предложить: не благодареніе, о которомъ васъ прошу, меня въ особенности занимаетъ въ сіи минуты: положеніе Государства, распройство, въ которое повергають его шребованія со стороны Парламентовъ и Духовенства, среди

коихъ Королевское достоинство представляется подобнымъ кораблю, обуреваемому между двумя подводными камнями; въ Совѣтъ же нынѣ нѣтъ ни одного человѣка, который бы способенъ былъ имъ управлять во время таковой опасности. „Къ сей разительной карпинѣ я присоединилъ другую карпину войны, которая за предѣлами, и на сушѣ и на морѣ, претребовала всѣхъ усилій Государства, а внутри онаго желанной тишины, согласія, соединенія умовъ и совокупности желаній. Послѣ чего продолжалъ я: „доколѣ Гг. Аржансонъ и Машольтъ занимали свои мѣста, дополѣ именно вмѣняли взаимной ихъ распрѣ и несогласію всю причину внутреннихъ раздоровъ, возмущавшихъ Государство и всѣхъ мѣръ неумѣстной спрости, которыя болѣе и болѣе усиливали безпорядокъ. Но теперь шѣ Министры уже удалены, а мѣста ихъ заняли люди безъ силы и безъ вліянія, то не забудьте милоспивая государыня, что на васъ обращающа всѣхъ взоры и что опинѣ на вашъ счетъ будущъ опноситься упреки и жалобы, ежели зло продолжится,—или всеобщія благословенія, ежели вы спасительными сред-

словами его ошвратите. Именемъ вашей славы и вашего собственнаго спокойствія умоляю, поспѣшите ускорить сію счастливую перемену. Не ожидайте того времени, когда уже необходимость васъ къ тому будешь принуждать, или другой кто начнешь дѣйствовать. Вы потеряете все довѣріе; и васъ одну обвинять будутъ въ томъ, въ чемъ вы совсемъ невиновны. Всѣ особы, васъ любящія, также беспокояшся и также васъ умоляютъ.

Она ошвѣчала, что сохраняетъ въ себѣ все присутствіе духа и желаетъ, чтобы друзья ея не теряли бодрости для нее и подобно ей; что благодаритъ меня за усердіе, но советуетъ вмѣстѣ быть спокойнымъ: поелику приняты всѣ мѣры водворить тишину, а сверхъ того примолвила, что поговоритъ обо мнѣ съ Г. Руилье, приказавъ прийти къ себѣ на другой день поутру.

Опять увидѣвшись со мною, она сказала: „я ничего хорошаго вамъ не могу сообщить: преемникъ Монкрифу уже назначенъ. Новой начальникъ почты при первомъ вступленіи своемъ въ должность испросилъ у Короля

сіе мѣсто Годену, своему прежнему Секретарю. Понавѣдайшесь въ другое время; посмотрю: не могу ли чего нибудь сдѣлать въ вашу пользу.»,

Трудно мнѣ было опыскашь для себя личнѣйшаго мѣста. Впрочемъ я надѣялся, спустя нѣсколько времени, получить другое и болѣе выгодное и болѣе видное, попому, что, занимая оное, самъ буду полнымъ производителемъ дѣлъ и постараюсь показашь опыты моихъ трудовъ. Сіе заславляешь меня упомянушь здѣсь, къ свѣдѣнію, объ одномъ лицѣ, которое появлялось тогда, подобно метеору, и коего свѣтъ, впрочемъ довольно слабый, еще несовершенно померкнулъ. Ежели бы я говорилъ только о себѣ одномъ, то скоро все бы сказано было; но какъ исторія моей жизни есть прогулка, которую раздѣляю съ моими дѣтьми, то посему необходимо долженъ имъ указашь и прохожихъ (passans), съ которыми я имѣлъ сношенія въ свѣтъ.

Аббатъ Бернисъ, ускользнувшій изъ Семинаріи Св. Сульпиція, гдѣ успѣлъ весьма дурно, былъ стихотворецъ романическій, надутый, цвѣтшый, которой съ веселымъ Бер-

народомъ, забавлялъ своими спишками шумныя вечернія собранія въ Парижѣ. Вольперъ его называлъ цвѣточницею Парнасса, а въ кругу ему знакомыхъ прозвали его *Бабетъ*, по имени прекрасной того времени порговки цвѣтами. При помощи сего-то занятія, безъ всякаго другаго достоинства, онъ опсправился выпросить себѣ званіе Кардинала и Посланника опть Франціи при Дворѣ Римскомъ; впрочемъ онъ никакъ не могъ склонить снараго Епископа Миренуа (Бойера) о пожалованіи ему въ пенсіонъ какого нибудь Аббатства. Эпопть Епископъ, не слишкомъ уважая забавные спишки, и зная припомъ образъ жизни Аббата, сурово опвѣчалъ, что доколѣ Бойеръ будетъ находиться на своемъ мѣстѣ, дотолѣ Бернисъ ни чемъ бы себя не ласкалъ; на что Аббатъ опвѣчалъ: *Пресвященнѣйшій! я останусь въ ожиданіи.* — Сей опвѣтъ всюду сдѣлался извѣстнымъ и послужилъ нѣкопорымъ образомъ въ пользу. Онъ тогда владѣлъ Каноникашствомъ Бриудскимъ, которое, по причинѣ его опсуществованія, ни какой ему не приносило пользы и, кромѣ того получалъ небольшой до-

ходъ въ Булони на морѣ, кошпоруѣ, не знаю какииъ образомъ, ему былъ предоспавленъ.

Въ сіе время узнали, что на охощѣ, въ лѣсу Сенарскомъ, назначено было свиданіе Короля съ прекрасною Гжєю Эпыюль. Аббатъ, не шеряя времени, домогаешся получишь позволеніе явишься на поклонъ къ молодой госпожѣ, и Графиня Эспрадъ, его знакомка, съ удовольствіемъ ему изходапайспвовала оное. Бернисъ приплываешъ въ Эпыюль на перевозномъ суднѣ съ запасомъ спиховъ; его принимаюшь, просятъ прочипашъ свои опыпы; онъ чишаешъ, забавляешъ, спараешся показашъся пріятнымъ, и, при посредспвенномъ умѣ, помощію однихъ мелочныхъ спихоспвореній, сполько умѣль успѣшь, что въ отсутспствіе Короля, раздѣлялъ шайну переписки между двумя любовниками. Не лъзя лучше придумашь другова, болѣе приличнаго, порученія для его ума и слога. Такииъ образомъ, какъ скоро новая любовница была допущена ко Двору, то первую явила милоспшь,—изходапайспвовала Бернису пансіонъ и кварспиру въ Тюльери, кошпорую приказала убрашь на свой собспвенный щеспъ. Я самъ видѣль, какъ онъ восхи-

щался своимъ положеніемъ, пансіономъ и шпофными уборами. Покровительница его замѣпивъ, что онъ былъ человѣкъ опмѣнно распоропный, присовѣшвала перемѣнить Соборъ Бріудскій на Ліонскій; и сему послѣднему изходапайшповала, по благоклонности къ новому Канонику, новое преимущество. Въ то самое время онъ былъ согласнымъ любовникомъ прекрасной Принцессы Роганъ, что самое опкрыло ему, какъ человѣку съ достоинствами, дорогу въ большой свѣпъ; и въ слѣдъ за симъ его назначили Посланникомъ въ Венецію. Тамъ онъ принялъ съ почестию племянниковъ Папы Гаяганеллы, чрезъ что самое пришелъ въ милость у Римскаго Двора. Вызванный изъ Венеціи, посшупилъ въ число Королевскихъ Совѣпниковъ и заключилъ съ Графомъ Шпарембергомъ Версальскій Тракпактъ. Въ награду за сіе получилъ званіе Министра иностранныхъ дѣлъ, копорое здалъ ему Г. Руилье, и попомъ Кардинальскую шапку, по назначенію Вѣнскаго Двора.

По возвращеніи изъ Посольства, онъ обходился со мною по прежнему, впрочемъ съ нѣкопорымъ оппѣнкомъ важности, копо.

рая, безъ всякой принужденности, показывала его высокою санъ. Послѣ того, какъ онъ подписалъ Версальской пракпапъ, я долгомъ почелъ его съ шѣмъ поздравить. При семъ случаѣ онъ далъ мнѣ замѣтить, что чрезвычайно бы я его обязалъ, ежели бы въ посланіи, которое намѣревался посвящать Королю, распространился болѣе похвалами на щель выгодъ сего славнаго и счастливаго союза. Я отвѣчалъ, что для меня и легче и ближе было бы оное посвящать ему самому. Сей вызовъ не понравился Бернису. И такъ я сочинилъ посланіе, которымъ онъ осшался весьма доволенъ, а Гжа Помпадуръ, его пріятельница, отъ души имъ восхищалась. Ей угодно было, что бы, напечатавъ сіе произведеніе, поднесли Королю, чему впрочемъ не прошиворѣчилъ и самъ Аббатъ, производитель переговоровъ; (я не упоминаю о посольствахъ въ Испанію, куда онъ, бывъ назначаемъ, не рѣшился ѣхать, всему предпочитая Версаль). Въ скорости послѣ сего, ему вспрѣшилась необходимость имѣть у себя челоуѣка вѣрнаго, скромнаго и прилѣжнаго, который бы способенъ былъ писать чи-

спымъ слогомъ; и онъ сдѣлалъ мнѣ честь своимъ выборомъ. Вотъ какія были тогда обстоятельства: Король Прусскій, вступивъ въ Саксонію съ шестью-десятью тысячами войска, обнародовалъ манифестъ, прошиву копорого Вѣнскій Дворъ пославленъ былъ въ необходимость отвѣчать. Сей отвѣтъ, переведенный на старинной Французской языкъ, присланъ былъ въ Фоншенбло, гдѣ тогда находился Дворъ; его надлежало представить Королю въ слѣдующее Воскресенье; и Графъ Шпарембергъ изготовилъ уже для раздачи въ сей день до пяти сотъ экземпляровъ. Повечеру въ Среду Графъ Аббатъ Бернисъ призвалъ меня къ себѣ, гдѣ я нашелъ и Графа Шпаремберга: оба они, беспокоясь относительно того, что манифестъ изложенъ былъ дурно на нашемъ языкѣ присоветовали, что я сдѣлалъ бы весьма пріятное дѣло для двухъ Дворовъ, ежели бы, исправивъ его, поскорѣе напечаталъ и въ чепыре дни представилъ въ готшности для обнародованія. Мы его читали вмѣстѣ и, сверхъ многихъ германизмовъ, я осмѣлился показать имъ слабое и шемное изложеніе причинъ. Они дали мнѣ

полную волю дѣлать поправки; и я, обѣщаясь бытъ у нихъ на другой день въ шѣже часы, отправился работашь. Въ то самое время Аббашь Бернисъ относился письмомъ къ Г^{ну} Марини, въ копоромъ просиль, что бы онъ мнѣ позволилъ оспашься у него на всю недѣлю для нѣкопорога важнаго порученія.

Я провелъ почти цѣлую ночь и слѣдующій день, занимаясь поправками и перепискою обширнаго манифеста, и къ назначенному часу представиль его, ежели не ма-шперски, то, по крайней мѣрѣ, гораздо лучше прежняго обработаннымъ. Они чрезвычайно были довольны моимъ шрудомъ и поспѣшною опдѣлкою: „Но не все еще кончено, сказалъ мнѣ Аббашь: надобно, что бы въ Воскресенье поушру, какъ скоро Король вспанешь, доставлены уже были сюда печашные экземпляры, и тогда то, любезный Мармоншель, вы окончашельно увѣнчаеште сіе дѣло.—Ваше Сіятельство, опвѣчалъ я, чрезъ полчаса мнѣ должно гошову бытъ къ опѣзду. Прикажиште, что бы меня помѣспили въ почшовой коляскѣ; напишиште своеручно слова два Генераль-Поли-

ціймейсперу, что бы цензура не задержала печатанія; я даю вамъ слово бышь здѣсь въ Воскресенье къ тому времени, какъ вы вспанете.“—Я сдержалъ данное слово; но прїѣхалъ совершенно изнуренный трудами и безсонницею. Нѣсколько дней спустя, онъ спросилъ у меня счета о пупевыхъ издержкахъ и печатаніи; я представилъ ему самый вѣрный, и былъ награжденъ весьма щедро.

Б) СТИХОТВОРЕНІЯ.

Р О М А Н С Ъ.

(Подражаніе: Quand tu m'aimois je cherissois la vie).

Меня любила ты—я жизнью наслаждался,
Мой жребій былъ тогда завиденъ Небесамъ,
Обипелью блаженствъ мнѣ здѣшній міръ казался,
Я въ счастіи тогда подобень былъ богамъ.

*

Меня забыла ты—и я въ ужасной долѣ
Опънынѣ осужденъ въ печаляхъ жизнь влачишь,
Покорствовашъ судьбъ неумолимыхъ волѣ
И съ скорбію въ душѣ всечасно слезы лишь!

*

Меня любила ты—я въ сладкомъ упоеньи,
Превыше мнилъ себя и смерпныхъ и боговъ!
День каждый провождалъ въ воспоргахъ, наслажденъи....

Верхъ счастья моего была пвоя любовь!

*

Меня забыла ты—оставленный побоею
Я долженъ люшый часъ рожденья проклинашь,
Блаженство на земли счищать одной мечшою,
И радостью себѣ за гробомъ ожидать!

П. Ракитинъ.

КЪ ДРУГУ.



Не намъ, мой другъ, съ побой чуждашься
Упѣхъ и радостей земныхъ,
Красою милыхъ непрельщашься
И сердцемъ дорожишь для нихъ.
Пусть мудрецы всѣ за химеру
Считають блага жизни сей;
Не намъ ихъ слѣдовать примѣру
Въ цвѣтущей юности своей.
Теперь еще въ насъ свѣжи силы
И сердце бьется для любви;
Придушъ дни старости унылы—
Угаснешъ прежній огонь въ крови,
Къ упѣхамъ чувства онѣмѣюшь,
Кровь медлѣннѣй польется въ насъ,
Всѣ наши нервы ослабѣюшь. . . .
И все напомнишь смерти часъ!
Тогда, тогда уже не время
О милыхъ будешь воспоминашь,
И сей угрюмой жизни бремя
Въ сбѣгавшихъ нѣжныхъ облегчашъ. . . .

И такъ, доколѣ непромчалась
Быспропекущихъ дней весна,
Доколь еще непоказалась
На нашихъ кудряхъ сѣдина;
Доколь любовью полны очи
Прелестницъ юныхъ—насъ маняшь,
И подъ покровомъ мрачной ночи
Восторгъ и радости суляшь —
Мой другъ! въ свой домикъ безопасной,
Когда сну преданъ Петроградъ,
Слѣши съ Доридею прекрасной
На доно пламенныхъ опрадь.

К. Р—въ.

И Д Р И С Ъ
или Гальская вдова,
Баллада.

(Взятая съ Гальскаго нарѣчія и преложенная *размѣромъ подлинника*).

„Приди, о смерть! тебя ль спрашишься,
„Жестокой другъ!
„Туда мнѣ дай переселишься,
„Гдѣ мой супругъ.
„Ахъ! лишь одна вдовѣ несчастной
„Надежда льспишь,
„Здѣсь кончишь жребій свой ужасной,
„Гдѣ онъ сокрышь!

Такъ въ полночь, надъ холмомъ могильнымъ
Склонясь, Идрись
Спенала—слезы шокомъ сильнымъ
Изъ глазъ лились
И рыцарь, проѣзжая мимо,
Съ коня вспаешъ;

И слыша жалкій стонъ незримой,
Разсвѣта ждешь.

И вопъ—ужь утпро позлащаетъ
Края небесъ,
Поля и холмы освѣщаетъ
И дальній лѣсъ.

Триспанъ увидѣлъ. . . . памъ въ печалѣ
Лежишь краса. . . .
Еще подобной не встрѣчали
Его глаза.

Власы по вѣпру—грудь открыта,
Пріятшсвъ соборъ!
Покровъ ужь болѣ не защищаетъ;
Померкшій взоръ;
Померкшій—но въ немъ лучъ блистаетъ,
Что насъ разить!
И шопъ, въ комъ нѣжностъ обипаетъ,
Какъ устоипъ?

— Ахъ! какъ не сосрадашь безвѣспной?
Вѣщаль Триспанъ:
Кто въ силахъ не дѣлишь съ прелестной
Сердечныхъ ранъ?
Какой огонь жгущій пробѣгаетъ
Въ моей крови? . . .
Спасемъ ей жизнь! . . . пусшь силу знаетъ
Моей любви.—

И вопшь, души воспорги спраспной
 Скрываешъ онъ,
 И палъ на землю близъ прекрасной,
 Пуская спонъ;
 И памъ въ жестокоспи судьбину
 Онъ обвинялъ,
 И воплемъ жалоспнымъ долину
 Онъ оглашалъ.

И вопшь—Идрись уже внимаешъ
 Судьбѣ укоръ,
 И на спрадальца обращаешъ
 Свой помный взоръ,
 Почто... о шайна соспрананья!
 Почто другихъ
 Бѣды, бѣдъ нашихъ воспоминанья
 Изглядяшъ вмигъ?...

Несчастный болѣ не спрашишя
 Иныхъ поперъ;
 Увидя, чпо Триспанъ крушишя,
 Идрись шеперь
 Забыла слезъ своихъ причину...
 Желанье въ ней:
 Знашъ тяжкую его кручину,
 Кпо вишязъ сей?

— Упѣшишь въ скорби безъупѣшной
 Не льстись меня.—
 „Увы! скажи...“ — Супруги нѣжной

Лишился я!—

„И я супруга.“—Въ облегченье
Тоски швоей,
Невинна ты. . . но угрызенье
Въ душѣ моей. —

„Жестокой! ты свершилъ злодѣйство?”

„Ударъ нанесъ? . . .“

— Нѣшь! пылкой спрасши вредно дѣйство
Причиной слезъ!—

„Какъ! спрасшь швоя? . . . и опъ чего же?“

— Такъ! я клянусь

Престоль ушѣхъ—еспъ смерти ложе
Той, кѣмъ плѣнююсь. —

„Придижь! . . . давно я ожидаю

„Здѣсь смерти злой!

„Приди, и будь ты—умоляю—

„Убійца мой!

„Спулай! насышься новой жершвой!

„Въ моей поскѣ

„Я жажду опъ тебя бышь мершвой

„На сей доскѣ.“

III. КРИТИКА.

ПИСЬМО КЪ СОЧИНТЕЛЮ ЗАМЪЧАНІЙ НА
ТРАГЕДІЮ *Танкредъ*, ПЕРЕВЕДЕННУЮ
СЪ ФРАНЦУЗСКАГО Н. И. ГНЪДИЧЕМЪ.

Чувствительнаго благодарю васъ, милоспийный государь, что вы меня вывели изъ заблужденія, въ которомъ я находился вмѣстѣ съ другими на счетъ сочиненій и переводовъ по части Русской Словесности: *bove majore discit avare minor.* — Замѣчанія ваши на Трагедію *Танкредъ*, весьма справедливы и основательны: но какъ вы, упомянувъ и объ *Ифигеніи въ Авлидѣ*, переведенной Г. Лобановымъ, ни какихъ не сдѣлали о ней замѣчаній; по я рѣшился, слѣдуя вашимъ правиламъ, разобрать ее.—Вошь первые опыты моего разбора:

Первый стихъ: *Твой Царь Агамемнонъ* и пр.

Слабъ прошивъ подлинника:

Oui, c'est Agamemnon, c'est ton roi etc.

Должно бы сперва пославить собственное имя, а потомъ нарицательное, какъ:

Агамемнонь, пвой Царь и пр.

. . . . Тебя ль такъ рано зрю,
Предупредившаго багряную зарю?

Съ перваго виду кажешся хорошо; но сличивъ съ подлинникомъ, не найдешь въ переводѣ: *quel important besoin*, а только лишніе синонимы: *такъ рано, предупредившаго зарю, луть утренній*.

Разборчивый вкусъ не перпишь въ Трагическомъ слогѣ неравенства выраженій: *осыпанъ* почестьми, *скутать* величіемъ, сердца *отгаго*, къ *гору* моему, надежды *льстивой*, *горышее* спраданіе, *при* кровавой, жадаешь, *недремныхъ* глазъ, *презорный* Царь, *дыболъ* власъ, *невзгода*, *година*, *крутина*, и множество другихъ выраженій.

Fils du puissant Atrée, переведено: *Атрея* *мощный* сынъ, вмѣсто: сынъ мощнаго Атрея.

Et d'un hymen si beau

Veut dans Troie embrasée allumer le flambeau.

Спѣшитъ подь Трѳю *течь*,

Чтобъ брачный пламенникъ въ спѣнахъ ея воз-
жечь.

Для рѳемы, *возжечь*, весьма не кспаша сказано: *спѣшитъ* *течь*.

Tous ces mille vaisseaux, qui, chargés de vingt rois
 N'attendent que les vents pour partir sous vos loix;
 Сихъ пысячи судовъ и двадцать въ нихъ во-
 ждей—

Речешь—и попекушь на гласъ Царя Царей.

По Испоріи, во время Троянской войны, было у Грековъ болѣе спа вождей, а Царей только двадцать. Расинъ дорожишь истиною; но Лобановъ упрямилъ ее; ибо вопреки самому себѣ, на стр. 58 говоритъ объ Агамемнонѣ: *вождю двадцати Царей.*

Испитъ кому, за кого или за что; слѣдовательно глаголь средній, а въ переводѣ стр. 8. сказано: *отлицая олтари.* — Также: *смерть принять упорствуй,* стр. 79 и *ожестотать право,* совсѣмъ не по-Руски.

Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ перевода судить можно, что переводившій не соблюдалъ Грамматическихъ правилъ; на прим. стр. 21 сказано: *тужда,* стр. 18 *еорда;* а на стр. 30 *сильна* и стр. 37 *полна:* гдѣ же правило, которому непременно слѣдовать должно? Переводчикъ, сокращая имена по собственному своему произволу, такъ смѣшиваетъ прилагательныя, что трудно различить мужескій родъ отъ жен-

скаго, какъ по: спр. 9 *бръгна* олшаря; а спр. 15 *шулна* зыбь: какое жь различіе между прилагательнымъ мужескаго рода, *бръгна*, и прилагательнымъ женскаго рода, *шулна*? Вопць необходимость, знаць правило, что прилагательное двусложное, по сокращеніи, въ женскомъ родѣ имѣеть удареніе на предпоследнемъ слогѣ, на пр.: чудна, красна, бѣла и пр.

Есть также случаи, гдѣ подобныя сокращенія вовсе неумѣсны, какъ въ переводѣ спр. 32 сказано: *прекрасна* Эрифилла! Равномѣрно сцѣпленіе часпиць, переложеніе падежей, и множество односложныхъ словъ дѣлають непріятность для вкуса и слуха: въ переводѣ Ифигеніи встрѣчается все сіе; на прим.:

Сп. 12. Тогда, какъ чшобь и пр.

Спр. 13. Средь Фригійи полей, вмѣсто:
 средь полей Фригійи:

Сп. 70, сп. 11. . . . Мнишь, что весь спань,
 вся рапъ,

Во многихъ мѣстахъ примѣпно, что переводчикъ самъ въ себѣ сомнѣвается и самъ себѣ измѣняетъ, говоря, спр. 75: *внеллю*,

енѣмлю; также спр. 6 *скóрбей*, и спр. 82 *скорбѣй*.

Сп. 20 сп. 18. Бесплодны *ухищреннѣ!*
Противъ Грамматики; *ухищреніе* въ мно-
жественномъ: *ухищренія*.

. Qu'osez-vous dire? переведено:

Что рекъ? Можно сказать: я рекъ, ты
рекъ, онъ рекъ: почему жъ упущено лице,
кто именно рекъ? Также:

A des fureurs moindres je n'ai pas dû m'attendre,
сказано спр. 66. Тревогой меньшею въ сіи часы
не льспился.

И спр. 13. На полъ отважноспь въ нихъ и рвенье
зрѣль на бой,
Чтобъ возвратишься вспяпъ съ болѣзненной
душой?

Ктожъ зрѣль? и кому возвратишься?
Вошь какъ опасно забывать правило Древ-
нихъ: *Quis, quid, ubi, quibus auxiliis, cur,*
quomodo, quando? правило, котораго въ но-
вѣйшія времена Боало доказаль необходи-
мость въ соображеніи при сочиненіяхъ и
переводахъ.

Сей грозень бранный жаръ, которымъ пламе-
нью,

И въ сей обратно сянъ припши не укоснью:

Нѣтъ смысла; хопя у Автора ясно:

Transporté d'une ardeur qui ne peut être oisive
etc.

Общее мнѣніе ученыхъ весьма основательно, чпобы переводящій съ одного языка на другой, зналъ хорошо оба; изъ перевода Ифигеніи явствуетъ прошивное: — у Расина:

Si ma fille une fois met le pied dans l'Aulide,
У Лобанова: Коль вступишь дочь моя въ Авлидскій спань ногою;

Развѣ можно ступать и не ногою? Плеоназмъ совсѣмъ не у мѣсна; ибо по-Французски: mettre le pied значить шолько: *ступать*.

Также спихи:

И олшари, на насъ *невѣрель* раздраженны,
Усердьемъ робкихъ душъ здѣсь будутъ *отомщенны*.

не выражающъ подлинника:

Et la religion, contre nous irritée
Par les timides Grecs sera seule écoutée.

Спр. 11, стр. 5: Предлогомъ я беру Ахиллову
измѣну.

..... Qu'Achille a changé de pensée.

Нѣтъ рѣчи объ измѣнѣ; въ послѣдующихъ спихахъ перевода сказано, что Ахиллъ шолько на время опложилъ свой бракъ.

Спр. 12, ст. 5: Но вѣришь ли молвѣ, *носящейся*
по граду?

У Авшора нѣтъ никакого города; да и дѣйствіе происходитъ въ шатръ Агамемнона, куда ожидаютъ Ифигенію. — Авлида — спрана, а не городъ; а въ переводѣ вездѣ пославлень городъ: спр. 42 и 44! Молодые *) переводчики не должны упущать изъ виду и Географіи.

Въ сей Трагедіи говорится о двухъ Царевнахъ: Ифигеніи и Эрифилѣ, и у Расина обозначена каждая изъ нихъ ясно; но у Лобанова вездѣ смѣшаны обѣ въ одномъ имени Царевны; наприм: спр. 20, 41 и 42.

Слѣдующіе стихи перевода не соотвѣтствуютъ подлиннику:

Иль Ифигенію въ Авлидѣ я найду?

Daignez vous avancer le succès de mes vœux?

Ахилль, одинъ Ахилль любви своей послушенъ!

И хочешь, къ общему унынію равнодушень,

Achille seul, Achille à son amour s'applique!

Voudrait-il insulter à la crainte publique,

Insulter значишь болѣе, нежели *быть равнодушнымъ*.

Вздыхаешь ты, тоскою омраченный!

Иль ропщешь, волею бессмертныхъ удрученный?

*) А старые?

De ce soupir qui faut-il que j'augure?
 Du sang qui se révolte est-ce quelque murmure?
 чтобъ предъ Греками твоею послушность
 скрыть,
 Que ses plaintes, qu'en vain vous voudrez
 appaiser;
 И буйный сей народъ, побою раздраженный,
 Et qui sait qu'aux Grecs, frustrés de leur vi-
 ctime;
 Но кляпвы, что тогда внушила намъ лю-
 бовь,
 Исчезли съ бременемъ стягчившихъ насъ
 оковъ;
 Mais sans vous, ce serment que l'amour a dicté,
 Libres de cet amour, l'aurions nous respecté?
 Тогда, какъ кораблямъ затворена пучина,
 Tandis qu'à nos vaisseaux la mer toujours fer-
 mée.

Если бы сказано было пучина моря; то было бы ясно: но затворена пучина, понятие неопредѣленное. При томъ же безопаснѣе для кораблей, когда пучина запворена; но если море запворено какъ сказано у Авшора: то конечно не лзя ходить кораблямъ. — Переводчикъ употребилъ здѣсь шлоу не кспашаи.

Въ слѣдующихъ стихахъ переводчикъ не выразумѣлъ Авшора:

Ты зришь, сколь ни была бь *ща жертва дра-*
гоцѣнна

Vous entendez, quelque prix qu'il en coute

Какая жь жертва?

Твоимъ совѣшамъ я опнынѣ не внимаю,

Vos conseils sur mon coeur n'ont eu que trop
d'empire.

Изъ подлинника видно, что совѣшы слиш-
комъ подѣиспововали.

Царицу, кою я спремида ся упредить,

La reine, dont ma course a devancé les pas.

Эврибашъ, упредивъ уже Царицу, возвѣ-
щаешъ Агамемнону: Elle approche! Elle s'est
quelque tems égarée, что переведено: *вожа-*
тый нашъ въ ноци съ дороги совратился,
Здѣсь не лзя и узнать Авшора; сама Кли-
шемнеспра во II Дѣисп. Явл. IV гово-
ришь, что она съ дочерью блуждала въ пу-
ши, а не вожаший.

Не лзя не замѣпипь, что въ нѣкопю-
рыхъ мѣспахъ перевода еспь излишнія при-
бавленія пропиву подлинника, наприм.:

Спр. 20, ст. 11: Нѣшь дочери швоей прелести
нѣй, совершеннѣй.

Чего во Французскомъ совсѣмъ нѣшь.

Также много рнѣмъ нехорошихъ, какъ шо:

- Стр. 10 и 11: Ослѣпленной, ушвержденный;
 Стр. 21: Облечены, гнѣвной;
 Стр. 37: Злобыль, единокровнымъ;
 Стр. 67: Хладнокровнымъ, грознымъ;
 Стр. 59: готова, какова; а должно писать:
 какого.

Сдѣлавъ на первый случай крапкія сіи соображенія, пахожу себя въ нѣкоторомъ правѣ заключить, что переводъ *Ифигеніи въ Авлидѣ*, Г. Лобанова, далекъ еще отъ того, чтобы признавъ его за образцовый и заключающій въ себѣ всѣ прелести и красоты Расина, какъ говоришь сочинитель статьи о С. П. Бургскомъ Театрѣ въ № 42 Сына Отечества, на стр. 51, и что большая часть людей судить о вещахъ не по собственному своему убѣжденію: но по принятому нѣкоторыми только мнѣнію. — Желательно, чтобы Г. Лобановъ довелъ свой переводъ до того совершенства, чтобы заслужить отъ всѣхъ просвѣщенныхъ безпристрастное одобреніе.

С въ.

У. С М Ъ С Ъ.

О П И Н Д А Р Ъ.

Исіодъ превосходень въ родѣ Поэзіи, перебу-
ющемъ средняго возвышенія, а Пиндаръ въ родѣ
пребующемъ большаго паренія. Сей послѣдній
процвѣпаль во время похода Ксерксова и жиль
около 65 лѣшь.

Пиндаръ училса Поэзіи и музыкѣ у разныхъ
наставниковъ, а особенно у Мирписы, женщи-
ны знаменипой своими дарованіями, и еще бо-
лѣе прославившейся пѣмь, что имѣла въ числѣ
учениковъ своихъ Пиндара и прекрасную Корин-
ну. — Любовь къ наукамъ соединяла сихъ обоихъ
веслипанниковъ. Пиндаръ, бывъ моложе Корин-
ны, часпо совѣпювалса съ нею, и узнавъ, что
Поэзія должна обогащатса басношворными вы-
мыслами, началъ шакимъ образомъ одно свое
сочиненіе: „Воспѣшь ли мѣ рѣку Исмену, Ним-
„фу Мелію, Кадма, Иракла, Вакха,“ и проч: Ко
всѣмъ симъ названіямъ были приданы прилагат-
ельныя. Коринна сказала ему съ улыбкою: „Ты

„взявъ мѣшокъ съ зернами на засѣяніе участка
 „земли, и вмѣсто того, чѣобы сѣяшь руками,
 „пыи вдругъ высыпаль весь мѣшокъ.,,

Онъ упражнялся во всѣхъ родахъ Спихотвор-
 ства, и славою своею одолженъ особенно пѣ-
 снямъ, копорыхъ оиъ него пребовали для пра-
 зднесивъ боговъ, или для блистательнѣйшаго
 поржесства побѣдипелей на играхъ Греческихъ.

Таковой подвигъ кажется всего прудиѣе. Пѣ-
 снопѣвецъ долженъ изготопивъ дань пребуемой
 оиъ него похвалы къ назначенному дню; онъ
 имѣеть предъ глазами всегда одинаковыя кар-
 пины; и потому безпреспанно подверженъ о-
 пасности бытъ или слишкомъ выше, или сли-
 шкомъ ниже своего предмета. Пиндаръ былъ ис-
 полненъ пакого чувства, которое не встрѣчало
 ни одного изъ сихъ малѣйшихъ препятствій,
 и взоръ свой проспираль за предѣлы обыкно-
 веннаго взора.

Сильный и независимый духъ его всегда ока-
 зывается въ движеніяхъ неправильныхъ, бы-
 спрыхъ и смѣлыхъ. Хочеть ли вослѣвать бо-
 говъ? Онъ возносится подобно орлу, къ подно-
 жію ихъ престола: хочеть ли прославить смер-
 пныхъ? пускается въ поприще подобно быспро-
 печному коню, на небесахъ и на земли изли-
 ваетъ, шакъ сказать, попоки высокихъ изобра-
 женій, смѣлыхъ инорѣченій, мыслей порази-

пельныхъ и правилъ блиспающихъ свѣпюмъ ишины. —

Для чего иногда сей быспрый попокъ выстукаетъ изъ бреговъ своихъ, иногда входитъ въ свое мѣспо, иногда съ большимъ спремленіемъ выпекаетъ изъ онаго, и паки возвращаетъ ся, тихо оканчивая свое печеніе? — Для того, что подобно льву, который по излучистымъ спезямъ бросается въ разныя стороны, и не прежде успокоивается, какъ схвативъ свою добычу, — Пиндаръ ненасыпимо жаждетъ достигнуть цѣли своей появляющейся, и скрывающейся опъ его взора, онъ спѣшитъ, лепитъ по слѣдамъ славы, спараясь показать ее своимъ сопечественникамъ. — Если она недовольно блиспаетъ въ побѣдипеляхъ, имъ прославляемыхъ, онъ ищетъ ее въ ихъ предкахъ, въ ихъ опечесивѣ, въ учредителяхъ игръ, и повсюду, гдѣ только блещутъ лучи ея, которые онъ одинъ умѣетъ соединять съ лучами, увѣнчавающими его Ироевъ. При возрѣніи на нихъ, погружается онъ въ изступленіе, коего ничто остановитъ не можетъ; блескъ ихъ уподобляетъ сіянію дневнаго свѣпила; смертнаго поставляетъ на верхъ блаженства. Ежели смертный сей соединяетъ богатство съ красою, онъ посаждаетъ его на пресполь самаго Юпитера; а чтобы предохранитъ опъ гордости, спѣшитъ напомнить ему, что онъ облеченъ въ шѣло бренное,

и земля вскорѣ будешь послѣднею его одеждою. —

Толь необыкновенный языкъ былъ сообразенъ вкусу того вѣка.—Побѣды, Греками одержанныя надъ Персами, увѣрили ихъ снова, что громкія свидѣтельсва всеобщаго уваженія возвышаютъ души. Пиндаръ, пользуясь обстоятельствами, набираетъ самыя сильныя слова, самыя блистательныя изображенія; кажется, онъ заимствовалъ звукъ грома, чтобы сказать народу Греческому: „Никогда не попушайте божественнаго огня, воспламеняющаго сердца наши; возбуждайте всякое соревнованіе, почитайте всякаго рода достоинства; ожидайте доблестивныхъ и великихъ дѣлъ отъ того, который дышитъ одною славою!“, Грекамъ, собравшимся на поляхъ Олимпійскихъ, онъ внушалъ: „Борцы мои, дабы въ вашемъ присутствіи получишь нѣсколько листовъ масличныхъ, подвергающихся столь многотруднымъ подвигамъ! чего они не сдѣлають, когда надобно будетъ отмщать за опечесство?“,

Даже и нынѣ всѣ тѣ, кои присутствуютъ при блистательныхъ Греческихъ торжествахъ, кои видятъ борца въ минутой его побѣды, кои слышатъ рождающіяся во кругъ его восклицанія, воспорги удивленія и радости, съ которыми смѣшиваются имена предковъ, заслу-

жившихъ шаковыяжъ опличія, имена боговъ локровипелей, доспавившихъ шаковую побѣду ихъ опечеспиву; всѣ пѣ, говорю я, вмѣспо шого, чшобы удивитъся опспнуплѣнїямъ и воспоргамъ Пиндара, безъ сомнѣнїя найдупъ, что Поэзія его, при всей возвышенности своей, не можетъ выразишь шого висчатплѣнїя, каковое они сами чувспсвовали.

Пиндаръ, часно поражаемый зрѣлищемъ и прогапельнымъ и величеспвеннымъ, соучаспсвоваль во всеобщемъ восшищенїи, и, наполнивъ онымъ свои карпины, содѣлался и провозвѣспникомъ и раздавателемъ славы: по сему-шо содержанїе всякой его пѣсни было благородно и величеспвенно. Ему нужно было прославишь и знаменипыхъ Царей и малоизвѣспныхъ гражданъ. Онъ смошрѣль въ обоихъ случаяхъ не на человекъ, а на побѣдшеля. Зная, что чужїя похвалы не прїятны для другихъ, не слишкомъ занимался личными достошнспствами; но какъ добродѣтели Царей супъ права къ славѣ, шо онъ хвалишь сдѣланное ими благо и указываепъ на шо, которое могутъ еще сдѣлатъ. „Будыне справе-, „дливы, говорилъ онъ, во всѣхъ вашихъ дѣ-, „лнїяхъ, правдивы во всѣхъ вашихъ словахъ; *)

*) Образъ, каковыиъ предспавляепъ Пиндаръ сіи правила, можетъ данъ намъ поняшїе о смѣлосши его выраженїи: *управляйте, говоритъ онъ, кормиломъ правосудїя; изощрїйте языкъ вашъ на шаковыяиъ истшны.*

„представьте себѣ, что тысяча свидѣтелей ус-
 „спремляють на васъ свои взоры, и малѣйшая
 „погрѣшность съ вашей стороны будетъ ги-
 „бельнымъ зломъ.„ Такимъ по образомъ хвалилъ
 Пиндаръ: онъ не распочалъ своего виміама и не
 всякому давалъ право возжигать оный. — „Пох-
 „вала, говорилъ онъ, есть награда добрыхъ дѣ-
 „яній; отъ ея сладостнаго орошенія возраспа-
 „ють добродѣтели, шакъ какъ расцвѣтія отъ
 „росы небесной. Одному честному человѣку при-
 „лично только хвалишь людей честныхъ.

Не взирая на глубокія его мысли и на мни-
 мой безпорядокъ въ слогѣ, стихи его пріобрѣ-
 ли всеобщее одобреніе. Простой народъ уди-
 вляется имъ, не понимая, пошому, что для не-
 го довольно и того, что сильныя изображенія
 въ глазахъ его, на подобіе молніи, быспро про-
 лешають, и что пышныя и громкія слова по-
 ражають удивленный слухъ сугубыми ударами;
 но просвѣщенные судьи поставяють сего Сочи-
 нителя на степень первыхъ лирическихъ эпи-
 хоптворцевъ; и даже нынѣ философы основыва-
 ются на его правилахъ, и уважають его мнѣ-
 нія. —

Не разбирая подробно красоту, сіяющихъ въ
 его швореніяхъ, я только коснусь благороднаго
 чувствованія, ихъ одушевляющаго. И шакъ да
 позволено будетъ мнѣ сказать вмѣстѣ съ нимъ:
 „Я могъ бы бросить многія стрѣлы, но из-

„бралъ изъ нихъ шакую, которая бы въ цѣли
„своей могла запечашлеться со славою.,,

Теперь оспаешя нѣчно сказаць о его жизни и свойствахъ.—Я почерпнулъ главныя черпы изъ его сочиненій, гдѣ, по увѣренію Фивянъ, онъ самъ себя изобразилъ: „Было время, когда подлая корысть не оскверняла стихопворческаго языка.—Пусть иные ослѣпляются нынѣ блескомъ золоша; пусть распространяють свои владѣнія; я даю цѣну богатству тогда полько, когда оно, вмѣстѣ съ добродѣтелями, приводитъ насъ въ состояніе снискаць безсмертную славу. Мои слова всегда согласны съ мыслями моими. Люблю моихъ друзей, ненавижу врага; но никогда не нападаю на него съ оружіемъ клеветы и злорѣчія. Къ зависпи я имѣю полько унизительное для нея жь самой презрѣніе; вмѣсто мщенія я предоспаляю ее собспвенной язвѣ, грызущей ея сердце. Слабые крики робкой, но зависпливой пшички, никогда не воспрепятспвуютъ смѣлому орлу парить по воздуху.,,

„Среди прилива и оплива радостей и горестей, вращающихся надъ главами смерпныхъ, кпо можетъ быть увѣренъ въ постоянствѣ счастья? Я обращаю окрестъ себя взоры, видѣль счастливыхъ болѣе въ посредспвенномъ, нежели въ другихъ состояніяхъ; сожалѣль о участи людей сильныхъ, и молилъ боговъ не

„опягчашь меня бременемъ шаковаго благопо-
 „лучія. Я иду проспыми спезыи, будучи до-
 „воленъ своимъ соспояніемъ и любимъ своимъ
 „согражданами. Все мое любочеспіе сосшоншь
 „въ помъ, что бы имъ нравилсья, не опрека-
 „ся опъ преимущесства говорилсья свободно о
 „вещахъ похвалныхъ и порочныхъ.—Въ сихъ-по
 „расположеніяхъ я спокойно приближаюсь къ
 „спароспи. Счастливъ буду, ежели, достигнувъ
 „мрачныхъ предѣловъ жизни, оставлю дѣпнямъ
 „моимъ драгоцѣннѣйшее наслѣдство— славу до-
 „браго имени.“

Желаніе Пиндара исполнилось; онъ жилъ въ
 вѣдрѣ спокойствія и славы. Правда, Фивяне о-
 судили его на пеню, за похвалу врагамъ своимъ
 Аѳинянамъ, и за то, что въ соспязаніяхъ спи-
 хопворческихъ сочиненія Коринны пять разъ
 получали надъ его твореніяи преимущесство.
 Скоро возсіяли ясные дни послѣ сей кратко-
 временной бури. Аѳиняне и всѣ народы Греціи
 осыпали его почестыи; сама Коринна ондаа
 справедливосшь превосходству его дара. Въ Дель-
 фахъ, во время Пивійскихъ игръ, онъ прину-
 жденъ былъ, по желанію безчисленнаго множес-
 ва зрители, взойти увѣчанный лаврами на
 возвышенное мѣсто, гдѣ воспріять свою лиру,
 произнесъ восхищительные звуки, которые воз-
 будили повсюду удивленіе, и соспавили лучшее
 украшеніе праздниства. По окончаніи жертво-

приношенія жрецъ Аполлоновъ пригласилъ его къ священной прапезѣ; и дабы почтить его блистательнымъ и новымъ опличіемъ, Оракуль повелѣлъ оставить для него часть плодовъ, во храмъ принесенныхъ. —

Прим: Сей отрывокъ почерпнутъ изъ шретьяго тома Путешествія младшаго Анахарсиса, изданнаго Россійскою Академіею 1807 года. Переводъ Гр. Д. И. Хвостова. Оный нынѣ переводчикомъ вновь пересмотрѣнъ и исправленъ

Письмо изъ Берна къ пріятелю.



Въ послѣднемъ моемъ письмѣ описаль я вамъ пупешесипвіе мое до Берна, гдѣ разставившись съ моими спупниками, вознамѣрился я продолжашъ свой пупъ до Люцерна, по горамя. Бернъ имѣеть пріятное мѣспоположеніе. Онъ спюишь на горѣ, орошаемой со всѣхъ споронъ рѣкою Арою; и въ немъ великое удобство для пѣшеходцевъ, поелику тамъ улицы покрыны аркадами, какъ у насъ ряды гостинаго двора, такъ что въ самое ненастное время можно ходить пѣшкомъ, не опасаясь бытъ забрызгану грязью. Вечеру пошелъ я прогуляпьяся, и съ одного возвышенія имѣлъ удовольствіе видѣть Альпійскія горы во всемя ихъ величествѣ, когда онѣ освѣщались послѣдними лучами солнца: единственное зрѣлище, котораго, не видавъ, не можно себѣ вообразить! Горы, сначала ослѣпляющей бѣлизны, покрылись потомъ багряннымъ цвѣпомъ, и казались обьяпты пламенемъ; послѣ сего представлялись голубоватыми, потомъ блѣднорозовыми, а наконецъ палевыми, копо-

рый цвѣтъ еще не исчезалъ, между тѣмъ, какъ все прочее, ихъ окружающее, погружено было во мракъ. Въ слѣдующее утро отправился я въ Тунь, въ дилижансѣ, копорые здѣсь гораздо лучше устроены, нежели въ Германіи: карета весьма красивая и спокойная, на шесть мѣспъ; за мѣспа плащяшъ гораздо дороже, шакъ, что бѣдные путешественники не могутъ въ ней ѣздить; но употребляютъ оную только доспачочные люди. Сей родъ путешествія гораздо спокойнѣе и пріятнѣе: одни рассказываютъ, другіе слушаютъ; а если случится обществу состоятъ изъ лицъ слишкомъ различныхъ, то молчатъ; наконецъ, можно сказать, что сей дилижансѣ представляеть въ маломъ видѣ нашъ пароходъ, на копоромъ ѣздитъ въ Кронштадтъ. Для людей низшаго состоянія есть другой дилижансѣ, въ копоромъ мѣспа дешевле. Мнѣ случилось быть въ обществѣ съ Французскимъ Генераломъ, Г. Тунонь, и Лордомъ Эд, о копоромъ дополнишь могу, что онъ братъ знаменитой писательницы романовъ сего имени, извѣстной своею ученостію. Мы вступили въ разговоръ; а какъ Лордъ объявилъ, что онъ также ѣдетъ въ Люцернъ, то мы и рѣшились отправиться вмѣстѣ. Вся дорога до Туна идетъ близъ ужасной высоты утесовъ Шпокгорна и Никена. Мы ночевали въ городѣ, а поуспру велѣли на-

извъ судно, для переѣзда чрезъ озеро. Погода, которая спояла до сего времени ясная, начинала перемѣняться, подымался вѣперъ, небо шуманилось, и мой Лордъ поропилъ меня сѣспь въ судно. Намъ угрожала буря, а на водѣ должно было провеспи при часа; однакожь мнѣ нехотѣлось показатъ пррусоспи, и мы пошли на берегъ озера. Я удивился, что мѣсто гребцовъ занимали при молодыя дѣвушки, которые должны были насъ перевезпи. Мы сѣли; но вдругъ поднялись такія волны, что вода плескала къ намъ въ судно; вѣперъ дулъ съ зади, и насъ такъ сильно качало, что мы цѣплялись за скамьи, дабы неупасъ въ воду. Я почувспвоваъ морскую болѣзнь въ первой разъ въ жизни. Что касаепся до Англичанина, онъ завернувшись въ шинель, легъ на дно и скоро заснулъ. Прекрасныя, перевозившія насъ дѣвушки, были покровительствующія Нимфы нашего малаго корабля. Онѣ пѣли пѣсни и управляли судномъ съ такою отважноспію и ловкостію, что мы благополучно приспали къ Нейгаузу. Перемѣнивъ плащье, которое замочили на озерѣ, пошли пѣшкомъ въ Уншеръ-Зеенъ и Иншеръ-Ланень.

Беличеспвенное Тунское озеро предспавляепъ дикія красопы Природы. Высокія горы, оное окружающія и исчезающія въ облакахъ, придающъ ему видъ мрачный и меланхолическій. Бури тамъ не рѣдки, какъ я самъ по испыпалъ

но совсѣмъ шѣмъ перевозныя суда малы и легки, а гребцами бывають дѣвушки осьь восемнадцати до двадцати лѣтъ. Онѣ въ это время обыкновенно поють пѣсни; но пѣніе протсего народа въ Швейцаріи имѣеть нѣчто споль особенное, что надобно оное слышать, дабы имѣть объ немъ понятіе. Голось ихъ, кажеться, производитъ изъ брюха, какъ у чревоушцапелей, (ventriloque) и всѣ измѣненія голоса дѣлаются горломъ, не двигая губами.

Въ Инперланенѣ наняли мы шележку съ скамьями (родъ кабриолетки, употребляемой въ шамошнихъ мѣстахъ для путешествія по горамъ) и взяли проводника до Лаутербрунна. Мы прибыли въ сіе мѣстечко по неровной дорогѣ, идущей вдоль узкой, глубокой и мрачной долины, выпертѣвъ изрядные полчки въ безпокойной нашей шележкѣ. Мы видѣли шамъ знаменитый водопадъ Шпауббахъ, который ничто иное какъ ручей, падающій съ высоты 900 футовъ; въ погдашнее маловодіе представлялъ онъ спонкую спрую, ниспадающую съ ужасной высоты. Въ пракширѣ ужинали мы съ Нѣмецкими дамами, путешествующими по одной дорогѣ съ нами. Поушпру совсѣмъ небо прояснилось; это шѣмъ болѣе намъ было пріятно, что въ сей день надлежало бытъ солнечному зашмѣнію

26 Августа
7 Сентяб. Мы изъ долины ясно усмотрѣли вершину горы Юнгферъ. Изъ Лаутербрунна же

выѣхали мы около 6 часовъ утра и прѣехали въ Гриндельвальдъ около 11 часовъ. Нѣмецкія дамы съ своими мужьями прибыли туда двумя часами позже. Мы остановились въ пражирѣ Серны (aux chamois). Здѣшняя пражирщица есть знаменитая Елизавета Гросманъ, извѣстная по всей Швейцаріи подъ именемъ прекрасной *Бриентской перевозчицы*, о которой упоминали всѣ путешественники и портреть которой не разъ гравировали. Она дочь рыбака сего города, воспитанная въ домѣ нѣкопорого Г. Балка въ Бернѣ, по смерти котораго она возвратилась къ своему отцу, будучи 15 лѣтъ. Тамъ принуждена была она вступить въ ремесло своей матери, которое было низко пошлему полученнаго ею воспитанія. Будучи молода и прекрасна, она совершенно говорила по Французски; имѣла наружность благородную и привлекательную, и не могла не обращать на себя взора путешественниковъ, которые удивлялись, что столь нѣжныя руки употребляла она на грубую работу дѣйствовать веслами. Въ самомъ дѣлѣ странно было видѣть такую молодую дѣвушку между крестьянками, которая могла бы блистать въ избранныхъ обществахъ. Она скоро сдѣлалась славною подъ именемъ прекрасной перевозчицы. Всѣ старались ее видѣть, вездѣ продавался ея портреть, и она могла надѣяться лучшей участи:—но въ са-

мое то время сдѣлала она непрощительную глупость. вышедши за-мужъ за Гриндельвальдскаго прахпирщика, который, какъ говорятъ, женился на ней по своимъ видамъ, надѣясь, что красота и слава его жены будутъ привлекать къ нему всѣхъ путешественниковъ. Говорятъ, что сей грубиянъ такъ худо съ нею обходился, что сдѣлалъ ее совершенно несчастною, и что въ началѣ ея замужства онъ былъ такъ ревнивъ, что держалъ ее по цѣлымъ недѣлямъ въ заперти. Ей шеперь 28 лѣтъ; она и нынѣ столь же прекрасна, наслаждается большею свободою, и сама принимаетъ и угощаетъ посетителей. — Поелику день былъ очень ясенъ, то я съ Англійскимъ Лордомъ училъ Нѣмецкихъ дамъ и прекрасную хозяйку, какъ наблюдать зашмѣніе сквозь закопченное стекло. Зашмѣніе началось ровно въ часъ съ нѣсколькими минурами, и вскорѣ солнце сдѣлалось такъ блѣдно какъ новая луна, и мракъ былъ довольно *ощутителенъ*.

Гриндельвальдъ лежитъ въ долинѣ, у подошвы трехъ горъ: Вешпергорна, Мешперберга и Эйпера, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, которыя возносясь подобно каменнымъ столпамъ и, кажутся, вершинами своими досягають до небесъ. Эйперъ отвѣсною высокою равняется 14000 фузовъ, а другія двѣ горы нѣсколько ниже. Онѣ состоятъ изъ известковаго камня и прямы какъ стѣна. Величина ихъ, такъ сказать, по-

давляютъ или дѣлають ничтожными всѣ окружающіе предметы, такъ что теряется всякая пропорція, и по своей огромности онѣ кажутся меньшими, нежели какъ въ самомъ дѣлѣ. Когда же облака препоясуютъ ихъ средину, тогда онѣ кажутся выше неба. Мы пошли смотрѣть большой и малый Глешерь Гриндельвальдской: чудное и удивительное зрѣлище! Представте себѣ ужасно волнующуюся рѣку или море, котораго огромной вышины валы въ одно мгновеніе замерзли. Таковы Глешеры или ледяныя поля, простирающіяся съ вершинъ Вешпергорна и Мешпенберга до самой долины. Мы дошли до самаго Глешера, и любовались ледяными пирамидами, которыя при солнечномъ сіяніи блистали всѣми красками. Какое зрѣлище! видѣть образъ зимы посреди лѣта. Одною рукою можно осязать цвѣты и зелень, а другою касаться вѣчнымъ льдамъ. — Сіе величественное явленіе останеца навсегда въ моей памяти.

Изъ Гриндельвальда дорога такъ неровна и худая, что надобно необходимо ѣхать верхомъ, на привычныхъ лошадяхъ. И такъ, нанявъ оныхъ, оправились мы въ путь, взявъ съ собою хорошихъ проводниковъ. Я съ Эдж. ѣхалъ впереди. Сначала поѣхали мы вдоль Вешпергорна, и у самой подошвы, когда вершина сей горы стояла прямо надъ нашими головами, услы-

шали шумъ подобный грому; я спросилъ, какъ можешь быть громъ въ такую ясную погоду. Это падающая гряда снѣгу (*avalanche*), сказалъ Эд. . . . Видите ли вы облака пыли, несущейся по скапу горы: вопъ слѣдь ея на шемъ мѣстѣ, куда она упала. Мы счастливы, что она скатилась не позже. Я сначала невыразумѣлъ смысла сихъ словъ; но, по прошествіи полчаса, находясь на самой вершинѣ Веспергорна, я хотѣлъ остановиться, дабы полюбоваться высокою сей горы; „не оспанавливайтесь,“ — вскричалъ мой проводникъ съ безпокойнымъ видомъ; „ежели еще упадешь снѣжный *валунъ*, то мы пропадемъ.“ — При сихъ словахъ я и Англичанинъ, прищипривъ лошадей, поскакали во весь духъ, такъ что въ пол-часа очутились мы у подошвы горы, у самага того мѣста, гдѣ на оную вхождать. Дорога (ежели можно назвать симъ именемъ гору покрытую камнями, которыя безпрестанно опъ нея опдѣляются) идетъ излучинами съ утеса на утесъ, такъ что въ ивыхъ мѣстахъ лошадь принуждена иппи скачками и прыгать съ одного мѣста на другое, дабы неопасъ въ разсѣлину, въ которую мѣже привычная къ сему, непремѣнно бы упала. Тогда надлежитъ, опустивъ узду, дать лошади волю иппи, какъ хочеть. А какъ обыкновенно подлѣ самой пропасти дорога бываетъ глаже, то лошадь иногда такъ близко идетъ къ оной, что

можно видѣть бездну подлѣ себя; но благоразуміе пребуешь не принуждать лошадь итти другою дорогою, ибо въ семь случаѣ, осторожность сего живописнаго превосходитъ человѣческую, и показываешь лучше дорогу, по которой ей итти должно.—Проѣхавъ Шейденъ, достигли мы до пучныхъ лажисей, на которыхъ пасся скотъ лѣпомъ. Мы останавливались во многихъ *шале*, состояющихъ жилища горныхъ обитателей, которыя весьма похожи на наши Русскія избы.—Тамъ ѣли мы славный Швейцарскій сыръ, на самомъ помѣ мѣстѣ, гдѣ его дѣлають, и, къ великому нашему удивленію, онъ показался намъ весьма худымъ, шакъ какъ кислое молоко и все молочное, что ожидалъ я найти здѣсь наилучшимъ. Опшуда сошли мы пошакъой же прудной дорогѣ, и часно шли пѣшкомъ въ прекрасной долинѣ Оберъ-Гасли, орошаемой свѣплымъ ручейками, и покрытой прелесною зеленью; мы видѣли путь паденіе Рейхенбаха, неуступающее Шпауббаху.—Мы ночевали въ деревушкѣ Мепрингенъ;—поупру опяшь опправились въ путь, и подымались чешыре или пять часовъ на высокую гору Брунигенъ; дорога была еще пруднѣе Шейденской; чѣмъ болѣе приближались мы къ среднему поясу атмосферы, тѣмъ спановилось холоднѣе и распѣнія были рѣже; наконецъ онѣ совершенно исчезли. Напослѣдокъ достигнувъ ужасной высоты, мы

шли по голымъ упесамъ, на которыхъ не было на малѣйшей травки. Вѣтеръ дулъ жестокій скоро сѣровапыя облачка неслись прошиву насъ наподобіе легкаго дыма; мы съ прудомъ могли дышать, какъ вдругъ дорога перемѣнила направленіе свое въ низъ — и мы послѣ долгаго путешесствія пришли въ обитаемыя мѣста. Послѣ сего предстали нашимъ взорамъ берега Сарненскаго озера, а опшуда черезъ озеро чешырехъ Канпоновъ прибыли въ Люцернъ. — Болѣе писать нечего; скажу только, что здоровье мое поправляется болѣе и болѣе, опъ здороваго климата и пріятной жизни, также и цвѣтъ лица моего спановишся гораздо свѣжѣе. Простите краткости моего повѣствованія; ежели бы я входилъ въ подробности, то написалъ бы тогда настоящее путешесствіе.

P. S. При семъ посылаю вамъ портретъ прелестной Гриндельвальдской пракпирщицы. дабы вамъ что либо напоминало о Швейцаріи Сей портретъ снятъ съ нее, когда она еще была перевозчицей, то есть за 6 или за 7 лѣтъ, но весьма похожъ. Изъ сего портрета вы узнаете также, какъ одѣваются перевозчицы въ Бриенцѣ.

Бернъ; 10 Октября, 1820 года.
